

ПОДОЛЬСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

Выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна годовому изданію, съ пересылкою 4 р. 60 к. а безъ пересылки 4 р.
1 и 15 чисель.

15 Апрѣля. № 8. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКАГО, изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, послѣдовавшій на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, Архіепископа Подольскаго и Брацлавскаго.

Отъ 14 Января 1874 года, за № 7. *О подтвержденіи по духовному вѣдомству, къ исполненію постановленнаго въ 220 ст: Пен. Уст. правила, при опредѣленіи вновь на службу лицъ, уволенныхъ въ отставку съ пенсіею.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Господина

Исправлявшаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 5 Октября за № 10130, о томъ, а) что, по отзыву исправляющаго должность Министра Финансовъ, некоторыя Правительственныя мѣста и лица, при опредѣленіи лицъ, уволенныхъ въ отставку съ пенсіею, вновь на службу, не исполняютъ установленнаго 220 ст. Пен. Уст. правила, коимъ вмѣнено всѣмъ мѣстамъ, куда пенсіонеры поступаютъ на службу съ содержаніемъ, увѣдомлять о томъ, какъ тѣ казначейства, откуда они получали пенсію, такъ и Департаментъ Государственнаго Казначейства; б) что вслѣдствіе того пенсіи эти своевременно не исключаются изъ расхода и было нѣсколько случаевъ неправильнаго производства пенсій чиновникамъ, поступившимъ изъ отставки на службу съ содержаніемъ, превышающимъ пенсію и даже вторичнаго назначенія пенсіи при увольненіи вновь въ отставку и в) что въ предотвращеніе сего, Тайный Совѣтникъ Гирсъ проситъ подтвердить всѣмъ учрежденіямъ, подвѣдомственнымъ Святѣйшему Синоду, о неупустительномъ исполненіи вышеуказаннаго узаконенія. Приказали: Предписать подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ Духовнаго вѣдомства печатными указами, чтобы постановленное въ 220 ст. Пен. Уст. правило было въ точности и неупустительно исполняемо при опредѣленіи вновь на службу лицъ, уволенныхъ въ отставку съ пенсіею.

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Леонтіемъ *изъявлена благодарность*: священнику с. Грушки Ушицкаго уѣзда, Григорію Угриновичу и церковному старостѣ того села Юсифу Хльбовскому, за ихъ попеченіе о приходской церкви, а старостѣ Хльбовскому, сверхъ того, за пожертвованіе въ церковь плащаницы и наурестольнаго креста.

Награждены: а) набедренникомъ: священникъ с. Кучи Ушицкаго уѣзда, Сильвестръ Львовичъ, за долговременную службу.

б) Похвальными листами: церковный староста с. Кустовецъ Винницкаго уѣзда, Иванъ Кулыкъ, за 20 лѣтнее усердное служеніе церковнымъ старостою; с. Емиловки церковный староста Петръ Петренко-Справдюкъ, за усердную 10-лѣтнюю службу въ этой должности. Церковный староста с. Чудиновецъ Литинскаго уѣзда, Матей Бондарь, за заботливость, въ продолженіе 13 лѣтъ, о благолѣпії приходскаго храма Божія. Церковный староста с. Таужной Балтскаго уѣзда, Ананія Колосовскій, за усердное, 8-лѣтнее прохожденіе этой должности и за попеченіе объ устройствѣ кладбища. Церковный староста с. Шамраевки тогоже уѣзда, Иванъ Забуранный, за немаловременное и усердное служеніе въ этой должности и-за пожертвованіе въ приходскую церковь. Церковный староста м. Солобковецъ Ушицкаго уѣзда, крестьянинъ Петръ Миходуй, за 12-лѣтнее усердное служеніе въ сей должности. с. Крутенькаго Балтскаго уѣзда, бывший церковный староста крестьянинъ Тарасій Петренко за 13-лѣтнюю службу въ должности церковнаго старосты.

Утверждены: Предсѣдателемъ церковно-приходскаго попечительства м. Миньковецъ Ушицкаго уѣзда, крестьянинъ Корнилій Сеферовскій, членами тогоже попечительства: крестьяне Иннокентій Бияневичъ и Тома Сеферовскій. Въ должности церковныхъ старостъ: Села Крутенькаго, Балтскаго уѣзда, Лазарь Семевецъ. Крестьянинъ Савва Онысковъ, — къ Николаевской церкви г. Ямполья.

Рукоположенъ во священника: окончившій курсъ въ Подольской Духовной семинаріи, Александръ Левицкій, въ с. Требухи, Литинскаго уѣзда.

Почислены священническія мѣста: за студентомъ Подольской Духовной семинаріи Густиномъ Маньковскимъ-въ с. Сказинцахъ Могилевскаго уѣзда; за окончившимъ курсъ въ Подольской духовной семинаріи Симеономъ Любичанковскимъ — въ с. Семидубахъ, Балтскаго уѣзда.

Перемещены: священникъ Архиппъ Павловскій, — въ с. Войтовцы Брацлавскаго уѣзда, на священническое мѣсто; священникъ с. Кульчьевецъ Каменецкаго уѣзда, Василій Яворскій въ м. Жванецъ Каменецкаго уѣзда; священникъ с. Степашекъ Гайсинскаго уѣзда, Іаковъ Солтыскій, въ м. Рашковъ Ольгопольскаго уѣзда. Причетникъ Каменецкаго кафедральнаго Іоанно-предтеченскаго собора Стефанъ Бялковскій, въ с. Степановку Гайсинскаго уѣзда, на псаломщицкое мѣсто, и. д. псаломщика с. Тисколунга Балтскаго уѣзда, Алексѣй Стратіенко, въ с. Шамраевку Балтскаго уѣзда на псаломщицкое мѣсто.

Определены: бывшему псаломщику м. Теплика Гайсинскаго уѣзда, Онуфію Демяновичу предоставлено псаломщицкое мѣсто въ с. Ометинцахъ Гайсинскаго уѣзда; вдова священника с. Писаревки Балтскаго уѣзда, Мавра Лазаревичъ опредѣлена въ м. Крутые тогоже уѣзда на просфорническое мѣсто; вдова дьячиха с. Хоньковецъ Могилевскаго уѣзда, Стефанида Левицкая, — въ с. Низшій Ольчедаевъ тогоже уѣзда на просфорническое мѣсто; заштатный причетникъ с. Ротмистровки Ольгопольскаго уѣзда, Петръ Зеленецкій допущенъ къ исправленію должности псаломщика въ с. Ротмистровкѣ.

Разрѣшено: въ с. Зарвинцахъ, Винницкаго уѣзда, раскрасить внутри приходскую церковь; въ с. Рункошевѣ Ушицкаго уѣзда, устроить при церкви деревянную ограду; въ селахъ: Кацмазовѣ, и Грабовцѣ, Могилевскаго уѣзда, починить приходскія церкви.

Перечислены: м. Жванецъ Каменецкаго уѣзда, изъ 2-го округа въ 4-й округъ благочинія; приходъ с. Серединки Гайсинскаго уѣзда, изъ 5-го въ 6-й округъ благочинія.

Расторгнутъ бракъ: по опредѣленію Подольской духовной консисторіи 28 Января 1874 г., утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Леонтіемъ, — крестьянки с. Глезнова Проскуровскаго уѣзда, Анастасіи Нестеровой Вошины съ мужемъ ея Николаемъ Ивановымъ Вошиною, съ дозволеніемъ

Анастасьѣ Вошинѣ вступить въ новый бракъ съ безпрепятствен-
нымъ къ тому лицомъ.

Умершіе исключены изъ списковъ: причетникъ с. Еоодіи
Балтскаго уѣзда Кирилль Вишуревичъ и пономарь города Балты
Архипъ Добросердскій.

III.

СВѢДѢНІЯ ПО ПОДОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ.
О ПОЖЕРТВОВАНІЯХЪ, ПО ПОДОЛЬСКОЙ ЕПАРХІИ,
ВЪ ПОМОЩЬ ЖИТЕЛЕЙ САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ, СТРАЖ-
ДУЩИХЪ ОТЪ ГОЛОДА.

(Продолженіе).

Его Преосвященство, Преосвященный Герасимъ Епископъ
Самарскій, отъ 14 марта за № 2173, извѣщая о вновь получен-
ныхъ изъ Подольской Епархіи пожертвованіяхъ въ пользу голо-
дающихъ, въ количествѣ 656 р. 33 коп., (отосланныхъ благочин-
ными Подольской епархіи: І. Василевскимъ, І. Кисилевичемъ, А.
Остаповичемъ, І. Перетятковымъ, Г. Снѣгурскимъ, А. Марти-
новскимъ, А. Антоновскимъ, Е. Ефремовичемъ, Ѳ. Снѣгалевичемъ
и священникомъ Н. Венгржановскимъ и Архимандритомъ Ефремомъ),
вновь выражаетъ искреннюю благодарность какъ потрудившимся
въ сборъ пожертвованій, такъ и жертвователямъ за ихъ братскую
о Христь любовь и сочувствіе къ нуждамъ Самарской епархіи.

О новыхъ пожертвованіяхъ, по Подольской Епархіи, уже
отосланныхъ въ распоряженіе Самарскаго епархіальнаго начальства,
доносятъ Подольской духовной консисторіи слѣдующіе оо. благо-
чинные Подольской епархіи:

1) Ямпольскаго уѣзда, 3-го благочинническаго округа Іоаннъ
Базилевичъ (рапортъ отъ 18 марта за № 96): отослано въ Са-
марскую духовную консисторію — 254 рубля, изъ коихъ пожер-
товано: прихожанами села Игнаткова — 20 руб., с. Клембовки —
8 руб., м. Цекиновки — 14 руб., села Великой Косницы — 70
руб. 82 коп., с. Тахталіи — 10 рублей, с. Качковки — 53 руб.

75 коп. и с. Кетрось и Подльсовки—43 руб; прочія пожертво-
ванія принесены духовенствомъ и другими благотворителями, изъ
коихъ помѣщикомъ Г-мъ Гижицкимъ пожертвовано—5 рублей.

2) Винницкаго уѣзда 3-го округа А. Новицкій (рапорт. отъ 10
марта за № 62): отослано—150 рублей, 45 коп., изъ числа ко-
торыхъ пожертвовано прихожанами: села Мизяковскихъ хуторовъ—
31 руб. 39½ коп., с. Гущинець—11 руб. 60 коп., с. Сальника
—10 руб. 15 коп., с. Лисіевки—10 руб. 15 коп., с. Сосонки—
12 руб. 45 коп., прочія пожертвованія поступили отъ духовен-
ства и прихожанъ разныхъ приходоѡ.

3) Винницкаго уѣзда, 2-го округа, І. Ждановъ (рап. отъ
16 марта за № 69): отослано—58 рублей 31½ коп., изъ коихъ
пожертвовано прихожанами: с. Большихъ Крушлинецъ—21 руб.
и с. Гавриловки—9 руб., 10 коп., остальные пожертвованы
духовенствомъ и разными лицами, въ числѣ коихъ встрѣчаются и
учители сельскихъ училищъ и воспитанники Подольской духов-
ной семинаріи.

4) Ямпольскаго уѣзда, 7-го округа, В. Соханевичъ (рап.
отъ 7 марта за № 70): отослано—32 руб. 50 коп., пожерт-
вованныхъ духовенствомъ и разными прихожанами. Прихожанами
с. Уяринецъ пожертвовано—10 руб 85 коп.

5) Въ Подольскую духовную консисторію: а) прислано благо-
чиннымъ Каменецкаго уѣзда, 3-го округа с. Билинскимъ (рап.
отъ 10 марта за № 74) 12 рублей, пожертвованныхъ по при-
ходамъ: м. Смотрича и Слободки Смотричской и б)—доставлено
редакціею Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей отъ 19 Марта
за № 166-мъ 20 рублей 67½ коп., присланныхъ въ редакцію отъ
священника Могилевскаго уѣзда, с. Калиновки Е. Ястрембскаго,
сбравшаго это пожертвованіе по с. Калиновкѣ отъ прихожанъ,
изъ числа которыхъ болѣе крупныя пожертвованія сдѣланы кресть-
янами: Г. Слободяникомъ, Г. Шевчукомъ, П. Барбелюкомъ, от-

ставнымъ солдатомъ П. Марковымъ и прихожанкою Анною Иосифовою Васютинскою.

Означенныя пожертвованія, присланныя благочиннымъ Билинскимъ и священникомъ Ястрембскимъ будутъ препровождены по назначенію — изъ Подольской духовной консисторіи.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПО ДУХОВНО-УЧИЛИЩНОМУ ВѢДОМСТВУ.

Указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода.

Отъ 28 Августа 1873 года за № 36. *О книгѣ протоіерея Халколыванова: „Православное нравственное богословіе“.*

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный Господиномъ исправляющимъ должность синодальнаго оберъ-прокурора журналъ Учебнаго Комитета, № 96, о допущеніи къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебнаго пособия, сочиненія протоіерея Іоанна Халколыванова: „Православное нравственное богословіе“ (Самара 1872 года). *Приказали:* заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, къ надлежащему исполненію, препроводить, въ копіи, при печатномъ указѣ епархіальнымъ Преосвященнымъ самый журналъ Комитета.

Ж У Р Н А Л Ъ УЧЕБНАГО КОМИТЕТА ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ СИНОДѢ ЗА № 96.

О сочиненіи Протоіерея Халколыванова: „Православное нравственное богословіе.“ (Самара. 1872 г.).

„Православное нравственное богословіе“ протоіерея Халколыванова, какъ замѣчаетъ самъ авторъ въ предисловіи къ сво-

ему сочиненію, имѣеть ту особенность, что оно составлено по программѣ нравственнаго богословія, изданной для семинарій Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ. Авторъ имѣлъ цѣлю дать учебное руководство по нравственному богословію, вполне отвѣчающее указанной программѣ, которая внесла въ содержаніе этой науки много вопросовъ, не рѣшаемыхъ принятымъ учебникомъ по этому предмету о. Солярскаго. Дѣйствительно, въ новый учебникъ, составленный Халколивановымъ, вошли почти все вопросы, заключающіеся въ нормальной программѣ по нравственному богословію, за исключеніемъ послѣдняго отдѣла, подъ названіемъ: „сравнительный отдѣлъ нравственнаго богословія“, въ которомъ указываются и разбираются особенности нравственныхъ воззрѣній въ католичество и протестантствѣ въ сопоставленіи съ православнымъ нравственнымъ ученіемъ. Исключеніе это, впрочемъ, очень важно въ учебникѣ, составленномъ по новой программѣ. Этотъ пробѣлъ долженъ быть причисленъ къ числу важныхъ опущеній въ сочиненіи, которое имѣеть задачу облегчить для преподавателей и для воспитанниковъ выполненіе требованій нормальной программы, какъ потому, что опущеніе это касается цѣлаго отдѣла, а не единичныхъ вопросовъ, дополняющихъ и выясняющихъ содержаніе учебника, такъ и потому, что отдѣлъ этотъ по преимуществу новъ въ числѣ всехъ другихъ, вновь вводимыхъ программю, вопросовъ, въ слѣдствіе малой разработки его въ наукѣ и трудности найти для него вполне удовлетворительное руководство даже въ западной литературѣ. Въ виду этого и въ самой программѣ отдѣлъ этотъ изложенъ пространно, съ послѣдовательнымъ и частнѣйшимъ развитіемъ заключающихся въ немъ положеній. Есть основаніе думать, что и самъ составитель учебника опустилъ его въ виду тѣхъ особенныхъ трудностей, какіе необходимо требовались при его изложеніи въ учебникѣ. Въ декабрьской книжкѣ „Православнаго Собесѣдника“ за 1872 годъ, въ отвѣтной статьѣ рецензенту его сочиненія, указавшему

на этот недостаток, авторъ говоритъ, что недостатки нравственнаго ученія у католиковъ и протестантовъ отчасти указаны самою программю въ другихъ предыдущихъ отдѣлахъ подъ рубриками: „обзоръ философскихъ и религіозныхъ ученій, противныхъ истинному Богопочитанію,“ и „пороки“ противные обязанностямъ внѣшняго Богопочитанія“. Здѣсь указываются многія изъ свойствъ католической и протестантской нравственности; фанатизмъ, фарисейство, индифферентизмъ. Наставникъ, по его словамъ, при объясненіи указанныхъ недостатковъ, можетъ объяснить, какіе особенные недостатки, по складу религіозному, можно находить у католиковъ, и какіе у лютеранъ. Но программа имѣетъ въ виду цѣльный, послѣдовательно развитый взглядъ на нравственность католическую и протестантскую, чего никакъ не могутъ замѣнить отрывочныя замѣчанія. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что этотъ послѣдній отдѣлъ программы по преимуществу затрудняетъ преподавателей, вызывая необходимость съ ихъ стороны выдавать воспитанникамъ въ дополненіе къ учебнику особыя записки или подробный конспектъ своихъ уроковъ. Но и внесенные изъ программы вопросы въ новый учебникъ не все изложены съ надлежащею удовлетворительностію. 1) Не все они даже постановлены и поняты правильно. Точка зрѣнія автора на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ не можетъ быть не признана одностороннею. Особенно нужно сказать это о вопросахъ изъ общей части нравственнаго богословія, заключающей въ себѣ ученіе о нравственномъ законѣ и условіяхъ нравственнаго развитія, гдѣ нужно психологически и вообще философски оправдать ученіе о нравственныхъ цѣляхъ человѣческой жизни. Здѣсь по преимуществу замѣчается у автора отсутствіе строгаго научнаго взгляда на дѣло. Здѣсь онъ часто предполагаетъ извѣстнымъ то, что требуетъ оправданія и уясненія, и доказываетъ тѣмъ, что само требуетъ доказательства и должно составлять преимущественный предметъ доказательствъ. Такъ, вопросъ объ отношеніи

между религією и нравственностію, требовавшій выясненія того, можетъ-ли быть истинная нравственность безъ религіи и что да-етъ религія для развитія нравственнаго чувства и нравственной дѣятельности, — вопросъ очень сложный и не легкій, — весь сво-дится къ мысли о томъ, что христіанство благотворно дѣйстви-етъ на человѣческую нравственность. Сущности вопроса авторъ и не коснулся. Отвѣтомъ на него служить одна фраза: „всюду усматривается неразрывная связь вѣры и жизни“. (стр. 1—2). Бытіе въ челоувѣкѣ свободы, по воззрѣнію автора, легко доказы-вается нагляднымъ опытомъ; ибо челоувѣкѣ иное предпринимаетъ сегодня, иное завтра; прерываетъ рядъ своихъ дѣйствій, когда хочетъ: иногда начинаетъ дѣйствія, противоположныя прежнимъ,.... существованіе этой свободы, по его словамъ, доказываютъ все челоувѣческіе законы и учрежденія; о той же свободѣ ясно учить и Слово Божіе (стр. 9). Очевидно, авторъ вовсе не понялъ си-лы поставленнаго въ программѣ вопроса о свободѣ въ связи съ побужденіями, опредѣляющими челоувѣческую дѣятельность и тѣхъ возраженій, какія дѣлаются противъ понятія о свободѣ и кото-рыя предполагаются постановленнымъ въ программѣ вопросомъ о свободѣ, какъ силѣ нравственнаго самоопредѣленія. Отрицающіе бытіе свободы знаютъ все то, на что указываетъ авторъ, и, од-накожь, находятъ возможнымъ возражать. Автору нуженъ былъ научный анализъ понятія о свободѣ. Въ отдѣлѣ о добродѣтели и грѣхѣ программю внесень вопросъ о значеніи такъ называемаго смертнаго грѣха, понятіе о которомъ не довольно ясно опредѣ-лено въ богословіи доннынъ. Авторъ, вмѣсто выясненія его, замѣчаетъ только о томъ, что это „грѣхъ, влекущій за собою вѣч-ную погибель“, и старается оправдать, на основаніи свидѣтель-ства Слова Божія, существующія понятія о смертномъ грѣхѣ, тог-да какъ самыя эти понятія требовали бы ограниченія (стр. 41). Правильной точки зрѣнія на вопросъ и здѣсь не видно. Въ отдѣ-лѣ объ обязанностяхъ къ самому себѣ программа вводитъ вопросъ

о значеніи для нравственности эстетическаго образованія сердца. Авторъ ограничивается въ изложеніи отвѣта на этотъ вопросъ замѣчаніемъ, что „благолѣпный храмъ, стройное пѣніе св. гимновъ и игра св. гимновъ на музыкальныхъ инструментахъ можетъ благотворно дѣйствовать на сердце“, — и все сводить, такимъ образомъ, къ священному, религіозному искусству, не говоря вовсе объ искусствѣ вообще. Или авторъ не понялъ вопроса, или держится односторонняго взгляда, отрицая всякое нравственное значеніе общаго эстетическаго образованія. Кажется, это последнее. Онъ замѣчаетъ въ заключеніе, что обращеніе талантовъ на служеніе міру и его троякой похоти есть видъ идолопоклонства и не достойно христіанина (стр. 138). Но искусство можетъ не быть священнымъ и религіознымъ въ строгомъ смыслѣ слова и въ то же время не служить похоти міра. Поэзія, живопись, музыка, не обращаясь въ св. гимнъ и игру св. пѣснопѣній или изображеніе св. событій, могутъ служить, какъ и служатъ часто, для выраженія чисто нравственныхъ чувствъ и понятій. Безусловное отрицаніе нравственнаго значенія искусства несправедливо, и съ христіанскою, и съ психологическою точки зрѣнія. Религія даетъ основу, общій нравственный типъ искусству, но это последнее не сливается съ нею и не исчезаетъ въ ней, а имѣетъ самостоятельное значеніе. Въ трактатѣ о благотворительности программу внесено замѣчаніе о значеніи формъ благотворительности единичной и общественной. Поводомъ къ этому служило донынѣ существующее недоумѣніе относительно нравственнаго значенія общественной благотворительности, которая, повидимому, имѣетъ характеръ дѣятельности чисто формальной, сухой, безсердечной, тогда какъ единичная благотворительность сопровождается живымъ обменомъ человѣческихъ чувствъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе способствуетъ развитію симпатіи и добрыхъ чувствъ къ ближнему. Авторъ рѣшаетъ вопросъ въ пользу общественной благотворительности въ виду того, что бѣдные люди не всегда

честны, съ чѣмъ можно согласиться, но не видно, чтобы онъ вполне ясно понималъ самое значеніе вопроса, потому что все выясненіе характера единичной благотворительности у него ограничивается чисто практическимъ вопросомъ объ удобствахъ благотвѣній: единичная благотворительность, по его словамъ, была бы лучше, потому что представляетъ ни чѣмъ не замѣнимое для бѣдныхъ удобство имѣть во время нужную помощь (стр. 179). Большая часть другихъ вопросовъ, указанныхъ программю, понята вѣрно, но изложены очень обще и не вполне удовлетворительно, по недостатку анализа. — Авторъ развиваетъ свои мысли большею частію съ чисто формальной только, логической, стороны, старается набрать большее количество доказательствъ на то, что не требуетъ формальныхъ доказательствъ, и упускаетъ изъ вниманія психологическую сторону нравственныхъ проявленій и требованій. Этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ въ тѣхъ трактатахъ, содержаніе которыхъ непосредственно касается душевныхъ состояній. Достаточно указать на нѣкоторыя, болѣе выдающіеся примѣры. Въ трактатѣ о совѣсти, какъ руководительномъ нравственномъ началѣ и различныхъ ея обнаруженіяхъ, авторъ ограничился общими замѣчаніями о дѣйствіяхъ совѣсти, не выяснивъ существеннаго и главнаго, есть ли что-либо общее для всѣхъ людей въ томъ, что называется внушеніемъ совѣсти и на чемъ основано и чѣмъ объясняется различіе въ совѣсти, оходящее, по словамъ самаго автора, до того, что совѣсть разнообразится по числу единичныхъ лицъ. Онъ говоритъ, что совершенная совѣсть та, которая называетъ добро добромъ, а зло — зломъ. Но это общее мѣсто, ничего не разъясняющее, — что же такое добро и зло, — рѣшеніе этого существеннѣйшаго вопроса осталось не тронутымъ, ни въ трактатѣ о совѣсти, ни въ другихъ отдѣлахъ книги. (стр. 14—15). Авторъ не входитъ въ психическій анализъ нравственныхъ явленій, а только или описываетъ ихъ внѣшнія обнаруженія, или сводитъ ихъ къ общимъ, отвлеченнымъ понятіямъ

и опредѣленіямъ. Слѣдующій затѣмъ отдѣлъ о проявленіяхъ нравственности внѣ христіанства, о нравственныхъ воззрѣніяхъ философскихъ, отличается такими же общими мѣстами (*locus topicus*), по которымъ трудно составить надлежащее понятіе о томъ, что содержало въ себѣ языческое нравственное ученіе и что даетъ философская нравственность. Нѣтъ никакихъ точныхъ и опредѣлительныхъ данныхъ касательно нравственности внѣ христіанства. Нравственность языческая, по словамъ сочинителя, «за весьма немногими исключеніями, была крайне порочна и развращенна». Какія же исключенія — въ этомъ главное, но на это нѣтъ никакого отвѣта. Все, что находитъ авторъ характеристическаго въ нравственномъ ученіи языческихъ религій, у него состоитъ въ томъ, что «храмы въ честь Бахуса и Венеры — были открытыми домами всякаго непотребства и безстыдства». (стр. 17—18). Но это въ греко-римской религіи и притомъ только въ честь извѣстныхъ, отдѣльныхъ божествъ, и этимъ далеко не обнималось богопочитаніе не только всѣхъ языческихъ религій, но и самой греко-римской религіи. Сочинитель далѣе прибавляетъ, будто язычники были увѣрены, что служеніе Богу не заключается въ нравственности, а тѣмъ менѣе въ добродѣтели, «язычничекъ не просилъ своихъ боговъ о добродѣтели» (стр. 17—18). Относительно всего язычества это далеко несправедливо. Въ разсужденіи о нравственности философской сочинитель имѣетъ въ виду по преимуществу древнихъ философовъ — Сократа, Платона и Аристотеля, замѣчая, что если и высказывались ими довольно возвышенныя нравственныя истины, то на дѣлѣ они сами имъ противорѣчили, а о новѣйшей философіи говоритъ очень кратко, ограничиваясь общимъ замѣчаніемъ о томъ, что пантеисты и материалисты учатъ мыслить и дѣлать, что угодно, не заботясь ни о грѣхѣ, ни о добродѣтели. Правда, что пантеизмъ ведетъ къ нравственному безразличію, но въ той формѣ, какъ это высказано у сочинителя, мысль эта, въ приложеніи къ пантеизму, ока-

зывается не совсемъ вѣрною. Прямаго отрицанія всякихъ нравственныхъ началъ пантеисты не высказывали. Слѣдовало это выяснить точнѣе и определеннѣе, тѣмъ болѣе, что теоріи пантеистовъ уже предполагаются извѣстными воспитанникамъ изъ обзора философскихъ ученій; и сдѣланное авторомъ замѣчаніе имъ самимъ можетъ показаться недостаточнымъ и мелочнымъ. Описаніе нравственного состоянія подзаконнаго чловѣка, по изображенію Апостола Павла въ посланіи къ римлянамъ, у автора ограничивается также общими понятіями, далеко неудовлетворительными для выясненія того рабства грѣху, въ которомъ, по слову апостола, пребывалъ ветхозавѣтный чловѣкъ. Подзаконный чловѣкъ «плотнѣе, преданъ подѣ грѣхъ, не можетъ совершать дѣлъ праведности», — вотъ почти все, что говоритъ объ этомъ авторъ, только повторяя, но не выясняя извѣстныхъ выраженій въ посланіи къ римлянамъ. Отъ чего онъ плотнѣе и преданъ подѣ грѣхъ и что такое эта плотность и рабство грѣху, это ни однимъ словомъ не выяснено. — Еще не удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи слѣдующіе за тѣмъ отдѣлы: «о постепенномъ развитіи грѣха и переходѣ его въ страсть и постоянную настроенность; Духъ благодати и дѣйствія Его въ дѣль возрожденія чловѣка въ началѣ, продолженіи и на высшихъ степеняхъ совершенства; объ обращеніи чловѣка къ Богу; характеристика состоянія нравственной нераскаянности и ходъ нравственной жизни послѣ обращенія». Если гдѣ, то здѣсь — въ этихъ вопросахъ, по преимуществу, требовалось психологическое выясненіе предметовъ, но его-то именно и нѣтъ. «Грѣхъ, какъ прирожденная порча, какъ зараза, начинаясь похотію, возрастаетъ въ страсть, а страсть сама по себѣ есть рабство грѣху». Вотъ все, что заключаетъ въ себѣ отвѣтъ автора на вопросъ о постепенномъ развитіи грѣха. Какъ же грѣхъ переходитъ въ страсть, что способствуетъ этому переходу и что можетъ его задержать, — это остается непонятнымъ и самая постепенность въ развитіи грѣха вовсе не указывается.

Грѣхъ, по словамъ сочинителя, *быстро* переходитъ въ страсть (стр. 39). Дѣйствія благодати въ возрожденномъ чловѣкѣ изображаются также обще и отвлеченно, безъ изъясненія текстовъ, въ которыхъ говорится объ этомъ. Моменты обращенія грѣшника, по изображенію притчи о блудномъ сынѣ, указанные въ самой программѣ, также мало раскрыты съ психологической стороны и разсужденіе автора объ этомъ есть только повтореніе того, что дано самою программою, т. е. есть больше перечисленіе и указаніе этихъ моментовъ, а не ихъ анализъ. Нравственная нераскаянность характеризуется также обще и отвлеченно. «Нераскаянный творить не волю Божию, а волю діавола, не занимается предметами спасенія» и т. п. (стр. 62). «Чловѣкъ, обратившійся къ Богу», говоритъ авторъ въ разъясненіе хода нравственной жизни послѣ обращенія, «въ дѣйствіяхъ своихъ руководится словомъ Божиимъ и благодатными вразумленіями и всецѣло посвящаетъ себя благочестивымъ занятіямъ, которыя еще болѣе укрѣпляютъ его въ жизни Божіей. Кромѣ этой, также общей, мысли ничего нѣтъ для рѣшенія и этого вопроса (стр. 63). Характеристика частнѣйшихъ нравственныхъ свойствъ и проявленій, введенныхъ программою въ отдѣлы о частныхъ добродѣтеляхъ, также неполна и страдаетъ тѣмъ же недостаткомъ формальности и сухости. Все отличіе христіанской надежды отъ стоическаго терпѣнія и фатализма въ томъ, что стоикъ надѣется на свои подвиги и силы, а христіанинъ — на силы божественныя, что въ фатализмъ есть постоянство, но неосмысленное и почему-то *необузданное* (стр. 80). Желалось бы видѣть яснѣе, что же даетъ для нравственной жизни осмысленное христіанское постоянство и что получается для жизни отъ надежды не на себя, а на божественныя силы. Опредѣляя значеніе различныхъ формъ подвижничества съ нравственной точки зрѣнія, по требованію программы, авторъ ограничивается только оправданіемъ, такъ сказать, этихъ формъ, желая всѣ извѣстныя особенности подвижничества обосновать на

словъ Божиѣмъ или на библейскихъ примѣрахъ, и оставляя въ сторонѣ вопросъ о значеніи этихъ разныхъ формъ подвижничества для самихъ подвижниковъ, т. е. для ихъ нравственнаго развитія и совершенства (стр. 114). Даже такой исключительный по своей формѣ подвигъ, каково юродство, остался мало разъясненнымъ въ его внутренней, психической сторонѣ. Авторъ говоритъ въ его объясненіе только то, что простота дѣтская есть выраженіе нравственнаго совершенства и что произвольное принятіе на себя этой простоты не противно разуму, потому что совершается не изъ тщеславія, а для любви къ Богу, не касаясь вовсе того, какая добродѣтель или какое нравственное свойство по преимуществу выражается въ этомъ подвигѣ и какъ св. юродимые могутъ сохранять въ чистотѣ мысль и чувство, совершая, повидимому, соблазнительныя дѣйствія, а равно и о томъ, какое вліяніе общественное могли имѣть этого рода подвиги (стр. 115).

Такимъ образомъ та особенность сочиненія о протоіерее Халколиванова, что оно составлено по новой программѣ, значительно уменьшается въ своемъ достоинствѣ, какъ потому, что книга его не обнимаетъ собою всего, заключающагося въ программѣ, такъ и отъ того, что многіе изъ вопросовъ, введенныхъ программой, изложены не вполнѣ удовлетворительно, потому что они поняты не совсемъ вѣрно и односторонне, или недостаточно разъяснены.

Но и въ тѣхъ частяхъ сочиненія, гдѣ излагаются предметы, общіе съ нынѣ принятымъ учебникомъ, оно страдаетъ тѣми же недостатками, т. е. обиліемъ такъ называемыхъ общихъ мѣстъ, отвлеченностію и безсодержательностію изложенія. Авторъ набираетъ всегда достаточное количество доказательствъ, забывая, что въ изложеніи нравственныхъ истинъ важны не эти формальныя доказательства, а выясненіе нравственныхъ началъ и душевныхъ стремленій. Выяснить эту связь частныхъ нравственныхъ требованій съ общими и основными нравственными истинами, указать

внутреннее побужденіе къ добродѣтели и животворное значеніе ея для нравственнаго чувства, значить уже доказать необходимость извѣстнаго нравственнаго требованія и сдѣлать все, что нужно. Если гдѣ, то въ области нравственнаго Богословія, различныя дробныя и чисто формальныя доказательства мало умыслны. Далеко не такова книга о. Халколиванова, страдающая недостаткомъ излишней формальности и отвлеченности, при скудости содержанія. Вотъ нѣсколько примѣровъ на то. Дѣйствительное бытіе нравственнаго закона, по словамъ автора, доказывается общимъ стремленіемъ всѣхъ людей къ добру, — это же доказываютъ почему-то и всѣ произведенія наукъ и искусствъ, *мореплаваніе*, торговля и всѣ полезныя человѣческія дѣла, но особенно ясно показываетъ присутствіе нравственнаго закона само Слово Божіе. Нѣсколько доказательствъ, но почти ни одно изъ нихъ не убѣждаетъ, потому что они слишкомъ общи. Гдѣ и въ чемъ это стремленіе къ добру, о которомъ говоритъ авторъ, какъ о стремленіи всеобщемъ — какимъ образомъ Слово Божіе можетъ доказывать истину бытія нравственнаго закона для тѣхъ, кто отвергаетъ это Слово Божіе, каковы всѣ отрицающіе бытіе нравственнаго закона? Разсуждая о добродѣтели естественной и объ отличіи ея отъ христіанской, авторъ неразъ замѣчаетъ, что первая „несовершенно и погрѣшительна“, но не указываетъ въ частности, чѣмъ она несовершена и въ чемъ именно погрѣшительна, — и здѣсь, какъ и вездѣ, ограничиваясь самою общою, ничего не говорящею мыслию. Тою же формальностію и отсутствіемъ анализа отличаются и частнѣйшія разсужденія автора о добродѣтеляхъ и порокахъ, состоящія въ однихъ отвлеченныхъ опредѣленіяхъ, не выясняющихъ внутреннихъ душевныхъ побужденій къ добродѣтели. Авторъ доказываетъ необходимость молитвы, напр., изъ идеи о Богѣ, присущей нашей душѣ, и изъ разсмотрѣнія свойствъ Божіихъ и недостатковъ человѣческихъ, и изъ

разсмотрѣнія бѣдствій и несчастій, и изъ благотворности молитвы, и изъ того, что она заповѣдала Словомъ Божиимъ, а между тѣмъ почти ничего не говоритъ о внутренней, душевной потребности въ молитвѣ для вѣрующей души, что дѣлало бы почти излишними все представленныя авторомъ доказательства. Говоря о смиреніи и совмѣстности его съ сознаніемъ собственнаго достоинства, онъ все рѣшаетъ только чисто отвлеченнымъ понятіемъ о томъ, что смиреніе имѣетъ въ виду Божію славу, благо ближнихъ и собственное спасеніе, и что за него обѣщается высокая награда, не изображая душевныхъ состояній смиреннаго человека. Точно также авторъ вращается въ сферѣ чисто отвлеченныхъ понятій и въ разсужденіи объ отличіи самолюбія отъ законной любви къ себѣ, ни мало не разъясняя, чѣмъ отличаются проявленія самолюбія отъ истинной любви къ себѣ. „Самолюбіе есть порокъ, а любовь къ себѣ — чувство святое, угодное Богу, самолюбіе — отъ діавола, самолюбіе — нашъ врагъ“ и т. п., но гдѣ границы между самолюбіемъ и любовію къ себѣ, въ чемъ характерныя черты того и другой, на это почти нѣтъ указаній. Разсуждая о дуэли, вмѣсто того, чтобы выяснитъ неразумность защищенія чести посредствомъ поединка, авторъ вдается въ общія разсужденія о благодушномъ перенесеніи обидъ и терпѣніи ихъ, оставляя такимъ образомъ совершенно нетронутымъ частнѣйшій вопросъ о дуэли, какъ защитѣ чести. Особенно скудно содержаніемъ, сухо и отвлечено его изложеніе обязанностей различныхъ частныхъ лицъ извѣстнаго состоянія и положенія. Это — сухія рубрики, наполненныя общими мѣстами. Обязанности, напр., художниковъ и ремесленниковъ, по словамъ автора, слѣдующія: они должны быть рачительны въ исполненіи своихъ обязательствъ, руководиться тою мыслію, что они христіане, должны посѣщать богослуженіе, не увлекаться славой, если пріобрѣтутъ богатство. Многія изъ этихъ обязанностей, очевидно, общи всемъ христіанамъ. Крестьянинъ, по словамъ его, долженъ быть трудолюбивъ,

преданъ церкви, обращаться съ молитвою къ Богу, избѣгать пороковъ. Что особеннаго съ нравственной точки зрѣнія представляетъ быть крестьянъ, объ этомъ нѣтъ слова. Послѣдовательности внутренней въ изложеніи добродѣтелей, часто непосредственно связанныхъ между собою, вовсе нѣтъ. Грѣхи и добродѣтели перечисляются одинъ за другимъ, ни чѣмъ не связанные и представляя собою простой перечень или сухую номенклатуру. Превда, всѣ эти недостатки, т. е. сухость, отвлеченность и формальность въ изложеніи нравственныхъ истинъ, общи всей существующей литературѣ нашей по нравственному богословію, они составляютъ недостатокъ и нынѣ принятаго учебника по этой наукѣ. Но въ последнемъ, т. е. въ учебникѣ о. Солярскаго, этотъ недостатокъ менѣе замѣтенъ. Книга его вообще содержательнѣе сравнительно съ книгою о. Халколиванова. Скучность содержанія въ сочиненіи послѣдняго вовсе не есть слѣдствіе краткости, требуемой отъ учебника. При настоящемъ же объемѣ книги, она могла быть гораздо болѣе содержательною. Въ своемъ предисловіи авторъ замѣчаетъ, что, въ виду небольшого количества уроковъ, онъ долженъ былъ сокращать въ книгѣ число доказательствъ. Но книга его ничего не потеряла бы, если бы онъ еще болѣе сократилъ количество своихъ формальныхъ доказательствъ на то, что не нуждается въ доказательствахъ, и вмѣсто этого постарался бы выяснить внутреннюю, психическую, сторону нравственныхъ требованій. Сверхъ этого общаго недостатка, проникающаго почти все сочиненіе о. Халколиванова и состоящаго въ отсутствіи анализа и отвлеченности изложенія, встрѣчаются нѣкоторыя частныя мысли, не совсѣмъ вѣрныя, или выраженные не точно и возбуждающія недоумѣніе. Нѣкоторыя изъ этихъ неправильныхъ мыслей происходятъ изъ односторонняго, узкаго взгляда и основываются на фальшивой религіозности или ложномъ благочестіи. Такъ, въ разсужденіи о признакахъ истинной любви къ Богу, авторъ напрасно защищаетъ рабскій страхъ къ Богу, до-

казывая, что онъ „полагаетъ начало пути добродѣтельнаго и можетъ переходить въ страхъ сыновній“ (стр. 89). Нельзя отвергать, конечно, такого значенія рабскаго страха предъ Богомъ, но не нужно забывать, что это — свойство ветхозавѣтной праведности и что въ христіанствѣ нѣтъ мѣста для такихъ рабскихъ чувствъ. Трудно понять, что хотѣлъ сказать авторъ, когда говорилъ въ своемъ разсужденіи о любви къ приснымъ: „Любовь къ приснымъ, будучи естественною въ каждомъ человѣкѣ, въ христіанинѣ освящается благодатію Св. Духа и становится даромъ Духа“ (стр. 72). Бракъ освящается благодатію, но о любви къ роднымъ вообще сказать это значило бы сказать очень много. — Въ разсужденіи о дружбѣ, послѣ замѣчанія о томъ, что дружба должна быть основана на страхѣ Божіемъ, авторъ присовокупляетъ, что дружба должна имѣть предметомъ для своего занятія истинное благочестіе, славу Божію и вѣчное спасеніе. А потому враги истинной вѣры и люди порочные не могутъ быть истинными друзьями (стр. 182). Дружба есть естественное чувство пріязни человѣка къ человѣку, оно можетъ въ христіанинѣ вышиться, принимая тотъ религіозно-нравственный характеръ, о которомъ говоритъ авторъ, но въ высшей степени было бы странно и несообразно съ дѣйствительностію отрицать возможность дружбы въ людяхъ невѣрующихъ. Въ разсужденіи о воспитаніи физическомъ, нравственномъ и религіозномъ, сочинитель, между прочимъ, дѣлаетъ слѣдующее, неумѣстное въ учебникѣ и само въ себѣ странное замѣчаніе: родители должны для этой цѣли (т. е. для будущихъ дѣтей) показывать всякій видъ умѣренности и воздержанія, особенно съ того времени, какъ сознаютъ себя родителями (стр. 215). Опровергая ложныя современныя ученія о положеніи женщины и ея общественномъ значеніи, авторъ впадаетъ въ другую крайность, относясь къ женщинѣ слишкомъ сурово. Онъ замѣчаетъ, между прочимъ, что женщина потому обязана подчиняться мужу, что она не сохранила заповѣди и первая не

только соблазнилась, но и соблазнила мужа. Мысль эта основана на словах Апостола Павла (1 Тим. 2. 11—15); но смысл изреченія апостола едва-ли понять вѣрно. Мысль апостола не та, что жена нравственно ниже, больше согрѣшила,—Адамъ остается все таки главнымъ виновникомъ грѣха (Рим. 5, 12. 14, 1 Кор. 15, 22), а та только, что жена не устояла противъ внѣшнихъ вліяній, внѣшней силы. Онъ не укоряетъ Евы, а только наклоняетъ мысль къ тому, что стремленіе женщины—слабой, впечатлительной—выйти изъ предѣловъ женскаго приличія—не ведетъ къ добру. Апостолъ говоритъ это въ виду ложныхъ взглядовъ на общественное положеніе женщины и хочетъ сказать, что ей не свойственна внѣшняя власть, что иначе сложены ея силы и душевныя стремленія. Разсуждая о коммунизмѣ, сочинитель характеризуетъ коммунистовъ такими чертами: „это—или несчастные, которые ничего не имѣя, ни своего, ни наследственнаго, пытаются подаяніемъ или грабежемъ, или тѣ, которыя убили въ себѣ всякое чувство пріязни, дружбы и родства“ (237). Какъ извѣстно, многіе изъ коммунистовъ и социалистовъ не принадлежатъ ни къ той, ни къ другой категоріи, и отъ жливаго преувеличенія ихъ нравственныхъ недостатковъ опроверженіе коммунизма, конечно, ничего не пріобрѣтаетъ. Излишне строгое и ригористическое сужденіе высказываетъ авторъ и на самыхъ послѣднихъ страницахъ своей книги въ разсужденіи объ обязанностяхъ въ отношеніи къ животнымъ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ онъ здѣсь: „съ другой стороны и здравый разумъ и Слово Божіе положительно осуждаютъ излишнее попеченіе нѣкоторыхъ христіанъ о животныхъ, доводящее ихъ до забвенія обязанностей къ Богу и ближнимъ. Если и всякая излишняя забота о временномъ, болѣе осмысленная, напр. забота объ играхъ и забавахъ дѣтей, о нарядахъ дѣтскихъ, не можетъ быть одобрена въ христіанинѣ,.... то, очевидно, что излишнія, тѣмъ болѣе страстныя заботы о животныхъ еще менѣе сообразны съ Словомъ Божіимъ и здравымъ

разумомъ и, какъ незаконныя и неправильныя, суть тяжкій, смертный грѣхъ предъ Богомъ и противу ближняго (248). Напрасно авторъ придаетъ такое противу-нравственное значеніе привязанности къ нѣкоторымъ животнымъ, которая чаще всего совершенно невинна и основана часто на ложной чувствительности, но ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ названія тяжкаго, тѣмъ болѣе смертнаго грѣха. Она можетъ и не сопровождаться никакими несправедливостями въ отношеніи къ ближнимъ.

Языкъ книги ясный, довольно точный, простой и правильный. Вообще, внѣшняя сторона сочиненія, -- выраженіе мыслей -- не представляетъ недостатковъ. Можно указать лишь нѣсколько не совсѣмъ удачныхъ и не совсѣмъ правильныхъ выраженій. Такъ: „сльдствіе омертвѣнія духа ко всему священному“ (стр. 102), наилучшіе *путевожди* (стр. 121)“, вмѣсто *путеводители* -- слово неупотребительное. „Другія радости суть чувственныя: *о пищахъ и питіяхъ*“ (стр. 147). Ни то, ни другое слово не склоняются по русски во множественномъ числѣ.

На основаніи вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ не находитъ возможнымъ рекомендовать для духовныхъ семинарій сочиненіе протоіерея Халколиванова: „Православное нравственное Богословіе“, въ качествѣ учебнаго руководства по сему предмету, но полагалъ бы дозволить употребленіе этой книги въ семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія по тому же предмету.

ПОДОЛЬСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

15 Апрѣля. № 8. 1874 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ

НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

ПРИСОЕДИНЕНІЕ КЪ ПРАВОСЛАВІЮ ОСТАЛЬНЫХЪ УНИ-
АТСКИХЪ ЦЕРКВЕЙ ВЪ УѢЗДАХЪ БРАЦЛАВСКОЙ ЕПАР-
ХІИ ВЪ 1795-96 ГОДАХЪ.

(Продолженіе) (1).

а) Въ Тульчинскомъ (что нынѣ Брацлавскій) уездѣ

Тульчинское духовное правленіе, отъ 21 октября 1795 года, доносило преосвященному Іоанникію, что того же уѣзда села Вербовой приходскій священникъ Никита Дашкевичъ еще въ 1794 году, вмѣстѣ съ прихожанами, по выслушаніи Высочайшаго Манифеста и грамоты преосвященнаго Виктора, присоединились къ православной церкви: тамошняя же помѣщица княгиня Четвер-

(1) Смотри. № № 6, 7, 9, 12, 14, 16, 18, 19, и 21
Подольск. Епар. Вѣд. за 1873 годъ.

тинская, исполненная ненависти и злобы къ греко_россійскому исповѣданію, не допустила обратить уніатскую церковь на благо_честіе, подь тѣмъ предлогомъ, что означенная церковь выстроена на ея счетъ. Имущество церковное она велѣла перенести въ построенную ею каплицу, гдѣ и отправляется Богослуженіе по латинскому обряду. При своемъ донесеніи правленіе предоставляло на благоусмотрѣніе Архипастыря два прошенія: отъ священника села Вербовой Дашкевича и прихожанъ. Священникъ Дашкевичъ прописывалъ, что княгиня Четвертинская, узнавъ о присоединеніи его къ православію, прогнала его изъ собственного его дома, и отобрала отведенныя для содержанія причта пахатныя и сѣнокосныя земли, такъ что онъ, по прогнаніи изъ села, переходя съ одного мѣста на другое, дошелъ до такой крайности, что для дневнаго пропитанія себя и своего семейства вынужденъ просить у другихъ, въ видѣ милостыни, куска хлѣба. Крестьяне же села Воловой, жаловались, что они, исполненные усердія и ревности къ древно-праотеческому вѣроисповѣданію, по неимѣнію церкви и священника, лишаются духовнаго утѣшенія въ слушаніи Божественной литургіи и въ особенности преподанія христіанскихъ требъ: дѣти ихъ умирають безъ крещенія, а возрастныя безъ исповѣди и святыхъ таинъ причастія, и сами міряне безъ священника вынуждены хоронить своихъ покойниковъ. Находя такой поступокъ княгини Четвертинской не соответствующимъ Высокомонаршей Ея Императорскаго Величества волю, а равно тишинѣ и благосостоянію народа, прихожане просили оказать имъ защиту. Тульчинское правленіе присовокушало также, что управляющій Тульчинскою протопопіею, протоіерей Новицкій немедленно по присоединеніи прихожанъ и священника села Вербовой, сносился съ подлежащею гражданскою властію о воспрещеніи княгинѣ Четвертинской притѣснять священника и прихожанъ отобраніемъ ключей отъ церкви и отнятіемъ церковной земли; о удовлетвореніи никакого не получилъ.

По сему донесенію правленія, преосвященный Іоанникій сно-
сился съ начальникомъ Брацлавской губерніи Берхманомъ. Въ
этомъ отношеніи Архипастырь, поставляя на видъ поблажку граж-
данскихъ властей княгинь Четвертинской, обнаружившуюся не
только дозволеніемъ имѣть у себя нарочито построенную каплицу
и держать ксендза, но и поущеніемъ ей отобрать уніатскую
церковь и церковныя земли, предоставлялъ здравому обсужденію
то обстоятельство, что княгиня Четвертинская не имѣетъ ника-
кого права утверждать, что церковь въ селѣ Вербовой выстроена
на ея счетъ; потому что она созидаема была не княгинею, а
руками ея крѣпостныхъ. Касательно же отнятія церковныхъ зе-
мель проводилъ ту мысль, что однажды посвященное Богу въ даръ,
отторгаемо быть не должно въ частную собственность. А потому
просилъ Г. Берхмана, чтобы онъ съ своей стороны рас-
поряженіе, дабы церковь со всею утварью, колоколами и всѣмъ
имуществомъ, ей принадлежавшимъ, была отобрана отъ княгини
Четвертинской, сдана по прежнимъ описямъ цековнымъ приход-
скому священнику Никитѣ Дашкевичу, а домъ и земля пахатная
и сѣнокосная, выдѣленная для содержанія причта села Вербовой,
были возвращены по надлежащему.

Не полагаясь вполне на сочувствіе начальника губерніи къ
дѣлу православія, а между тѣмъ желая ускорить присоединеніе
къ православію уніатской церкви въ с. Вербовой, преосвященный
Іоанникій, не зависимо отъ сего отношенія къ Берхману, повелѣлъ
протоіерею Новицкому: снесясь не медленно съ окружнымъ Туль-
чинскимъ смотрителемъ, отправиться въ село Вербовую и отъ
имени Его Преосвященства предложить помѣщицѣ княгинь Четвер-
тинской, дабы она возвратила прихожанамъ церковь со всею ут-
варью, а также для находящагося при ней священника пахатную
и сѣнокосную землю, съ другими, какія имѣлись до сего времени,
неотъемлемыми выгодами и отобрать означенную церковь,

освятить ее по чиноположенію, отдать въ вѣдѣніе тамошнему священнику и о послѣдующемъ донести.

Но начальникъ Брацлавской губерніи Берхманъ, хотя и лютеранинъ, дѣйствовалъ совершенно иначе, нежели какъ поступалъ и дѣйствовалъ начальникъ Подольской губерніи Вередеревскій, оказывавшій тайное расположеніе къ интересамъ польско-католической религіи и ея исповѣдниковъ. Г. Берхманъ отнесся къ требованію преосвященнаго Іоаннікія о побужденіи княгини Четвертинской отдать церковь новоприсоединеннымъ села Вербовой прихожанамъ, какъ должно; и прежде нежели протоіерей Новицкій собрался приѣхать въ село Вербову, Четвертинская обязана была подпискою, подъ опасеніемъ строгаго сужденія по законамъ, не мѣшаться въ дѣла православія и вручить ключи отъ церкви кому будетъ указано.

Въ началѣ декабря 1795 года, протоіерей Андрей Новицкій доносилъ, что онъ по приѣздѣ въ село Вербову съ окружнымъ Тульчинскимъ смотрителемъ поручикомъ Драгоевичемъ, явились къ помещицѣ Четвертинской и безъ всякаго затрудненія получили отъ нея ключи отъ церкви. На другой день, при многочисленномъ собраніи прихожанъ, церковь по чиноположенію освящена и такимъ образомъ присоединена къ православію. По освященіи церкви, прихожане села Вербовой заявили протоіерею Новицкому о нежеланіи имѣть приходскимъ священникомъ Дашкевича, и онъ нашелъ нужнымъ уступить ихъ требованію. Устранивъ отъ прихода Дашкевича, онъ поручилъ село Вербову, до архипастырскаго благоусмотрѣнія, священнику сосѣдняго села Колодянки Стефану Копотовскому, на что изъявили свое согласіе и прихожане села Вербовой.

Новоприсоединенная въ село Вербовой церковь по вѣншему виду было самое обыкновенное зданіе, не имѣвшее никакихъ украшеній, а внутри отличалось крайнимъ убожествомъ. По донесенію протоіерея Новицкаго, церковь была зданіемъ деревянная, по-

крыта гонтою съ небольшою колокольнею на столбахъ, съ тремя малыми колоколами; въ ней находились одно только священническое облаченіе, чаша и гробница цинковая, да и тѣ возвращены были княгинею при самомъ присоединеніи церкви. Одинъ только фанатизмъ и несправедливость къ православію, при потачкѣ гражданской власти, побуждали княгиню Четвертинскую упорствовать въ отдачу православнымъ Вербовской церкви. По освященіи церкви, прихожане испрашивали дозволеніе-отправлять въ ней Безжественную литургію и тутъ же дали обѣщаніе, привести церковь въ благолѣпный видъ и приобрести все необходимыя для Богослуженія вещи. Княгиня Четвертинская возвратила церкви пахатную и сѣнокосную землю; а для дома священническаго обѣщала отвести новую усадьбу, потому что прежній домъ, въ которомъ помѣщался священникъ, купила за полцѣны и помѣстила тамъ своего эконома (1)

ВЪ ГАЙСИНСКОМЪ УѢЗДѢ.

Присоединеніе къ православію Грановскаго Преображенскаго мужескаго монастыря. Гайсинскаго уѣзда мужескій Грановскій Преображенскій монастырь, до присоединенія назывался Тишковскимъ, потому что находился среди селъ: Тишковки, а также Мыткова, Николаева и Рахювки, состоявшихъ въ имѣніи князей Чарторійскихъ. Такъ какъ по присоединеніи означеннаго монастыря управляющій Гайсинскою протопопіею протоіерей Григорій Пыржинскій не нашелъ никакихъ письменныхъ документовъ о началѣ и основаніи этого монастыря; то произвелъ о сѣмъ дознаніе, изъ котораго мы узнаемъ, что Тишковскій, или Грановскій монастырь

(1) См. Арх. Под Дух. конс. дѣло. 1795 г. октябрю 23 № 64. По репорту Тульчинскаго духовнаго правленія о не допущеніи того уѣзда въ селъ Вербовой княгинею Четвертинскою къ присоединенію церкви на 14 листахъ.

издревле былъ православнымъ. Находившійся въ то время въ живыхъ, уніятскій священникъ Ѳеодоръ Кисилевичъ, бывшій во время уніи настоятелемъ Тишковскаго прихода (90 лѣтъ), священникъ села Николаева Антоній Дашкевичъ (80 лѣтъ), житель села Тишкова Иванъ Торанъ столѣтній старецъ, Аѳанасій Андрусъвичъ (75 лѣтъ) и другіе старожилы села Тишкова показали, что сколько они могутъ припомнить, Грановскій монастырь основанъ (зафундованъ) гетманомъ Николаемъ Синявскимъ, дѣдомъ нынѣшняго, т. е. тогдашняго владѣльца князя Чарторійскаго. Въ немъ первоначально жили монашествующіе православнаго вѣроисповѣданія; начальникомъ братіи былъ старецъ Мелетій, который послучаю гоненія на православіе, забравъ имущество и письменные документы, выданные Гетманомъ Синявскимъ, переселился на жительство въ Кіевъ, гдѣ и скончался. За тѣмъ вскорѣ водворилось православіе; и въ Грановскомъ монастырѣ вновь поселились иноки, изъ числа коихъ они хорошо помнятъ Ѳеодосія и Пантелеимона, выгнанныхъ изъ монастыря базилианами. Ѳеодосій, по изгнаніи, проживалъ въ селѣ Грудзьской, не далеко отъ монастыря, гдѣ и умеръ, а Пантелеимонъ неизвѣстно куда удалился. Съ тѣхъ поръ, до настоящаго времени, т. е. до 1795 года, владѣютъ монастыремъ базилиане. Тридцать лѣтъ тому назадъ, прежняя монастырская церковь сгорѣла: вмѣсто ея базилиане построили новую во имя Преображенія Господня. Монастырь Грановскій находится въ лѣсу среди мѣстечка Гранова, не далеко отъ селъ Тышкова и Мыткова; въ 1795 году въ немъ было шесть келій подъ одною крышею; окруженъ былъ деревянною дубовою оградою; посреди ограды — церковь во имя Преображенія съ тремя прѣдѣлами, олтаремъ на востокъ; построена изъ дубоваго дерева, покрыта гоштою; на верху три желѣзные креста, вызолоченные малярнымъ золотомъ; въ церкви четверо дверей; иконостасъ новый, искусной рѣзьбы и живописи. Колокольня о четырехъ столбахъ, пять колоколовъ, большой колоколъ въсомъ 70 окъ (210 фунтовъ). Земли пахат-

ной, принадлежавшей монастырю на 200 дней, сѣнокосной на 100 косарей. Домовъ, состоявшихъ во владѣніи монастырскомъ, было 16; въ нихъ считалось мужскаго пола 41, женскаго 43 души. Въ последнее время, когда протоіерей Пыржинскій приступилъ къ присоединенію Грановскаго монастыря къ православію, въ немъ находилось шесть монашествующихъ-базиліанъ: начальникъ монастыря Валеріанъ Чигулевичъ, старецъ-Памвонъ Козяровскій, Сильвестръ Завадскій, Гимнасій Сущинскій, Фабіанъ Дѣтковскій и діаконъ Левдуховскій.

1795 года сентября 7-го, протоіерей Григорій Пыржинскій, по прочтеніи Высочайшаго манифеста и грамоты преосвященнаго Виктора, по общему желанію жителей и прихожанъ Грановскаго монастыря, въ присутствіи Гайсинскаго окружнаго смотрителя, присоединилъ ихъ вмѣстѣ съ церковію къ православію. Но это присоединеніе монастыря не состоялось: базиліане, находившіеся въ монастырь, отказались принять православіе и тотчасъ оставили монастырь, кромѣ начальника Валеріана Чигулевича и старца Памвона, которые хотя и уступили церковь, но ни какъ не соглашались вручить движимое и недвижимое имущество монастыря протоіерею Пыржинскому. О. Пыржинскій не смотря на то, освятилъ церковь по чиноположенію и, не имѣя прихода, объявилъ себя настоятелемъ, въ томъ предположеніи, чтобы упразднивъ монастырь, самому воспользоваться всеми выгодами, принадлежавшими монастырю, въ качествѣ приходскаго священника. Но предположенія его уничтожены были настоятелемъ Чигулевичемъ и старцемъ Палевонимъ, при содѣйствіи имъ гражданской власти. До свѣдѣнія о. Пыржинскаго дошло, что преосвященный Іоанникій прибылъ въ епархію. Оставивъ письмо водителя съ дѣлами и поручивъ въ наблюденіе Грановскій монастырь священнику села Тишкова Якову Кисилевичу, а дѣтямъ своимъ монастырскіе ключи, о. Пыржинскій отправился въ Шаргородъ, чтобы представиться Архипастырю. Во время его отлучки прибылъ въ монастырь ок-

Оружійный смотритель Иванъ Пикаровичъ, находившійся въ едино-мыслии съ базилианами, прочитавъ имъ какой-то указъ, пригласилъ почетнѣйшихъ прихожанъ, приказавъ имъ быть послушными настоятелю монастыря Валеріану Пигулевичу, и отобравъ ключи у дѣтей Пыржинскаго, возвратилъ ихъ базилианамъ, которымъ также дозволилъ совершать Богослуженіе по ихъ обряду. По возвращеніи изъ Шаргорода, протоіерей Пыржинскій нашель Грановскій монастырь, по прежнему, въ полномъ владѣніи базилианъ.

7-го Ноября протоіерей Пыржинскій, обстоятельно донося о распоряженіи сдѣланномъ Гайсинскимъ окружнымъ смотрителемъ, изъяснялъ, что необходимо принять рѣшительныя мѣры въ само-скорѣйшемъ времени къ огражденію православія; потому что между новоприсоединенными породились волненія и безвоярки, могущіе отразиться вредными послѣдствіями. По сношенію съ начальникомъ губерніи, окружій смотритель Пикаровскій удаленъ отъ должности, а прочимъ окружнымъ смотрителямъ строго предписано оказывать все зависящее отъ нихъ содѣйствіе при обращеніи униатскихъ церквей въ православіе. Между тѣмъ старецъ Палмонъ принялъ православіе. Оставался въ монастырь изъ базилианъ одинъ только бывшій настоятель монастыря Валеріанъ Пигулевичъ, который, отдавъ обратно церковь въ вѣденіе православныхъ, упорствовалъ выдти изъ монастыря и владѣль, по прежнему, монастырскимъ имуществомъ.

1796 года, 21 января Іоанникиемъ преосвященнымъ дано было консисторіи предложеніе о Грановскомъ монастырь слѣдующаго содержанія: „Имѣя мы разсужденіе, что Брацлавской губерніи въ уѣздѣ Гайсинскомъ, Тилковскій Преображенскій, иначе называемый Грановскій мужескій монастырь и по нынѣ управляется бывшимъ того монастыря начальникомъ базилианскимъ Валеріаномъ Чигулевичемъ, хотя церковь того монастыря истекшаго года октября 7 протоіереемъ Григоріемъ Пыржинскимъ къ православію и одинъ

тогоже монастыря престарѣлый іеромонахъ Памево, по усердному его желанію къ Греко-россійской церкви, присоединены, а прочіе все изъ упомянутаго монастыря разошлись по разнымъ мѣстамъ, оставя монастырское имущество безъ всякаго почти призрѣнія, — для сего приказываемъ: оный Грановскій монастырь препоручить нарочно отправленному отъ насъ строителю іеромонаху Филарету. Поелику же мы отъ его превосходительства, Г. правителя брацлавской губерніи извѣщены, что для присоединенія къ Греко-россійской религіи остающихся въ той губерніи въ униі весьма не многихъ церквей съ народомъ и одного только Тишковскаго монастыря, предписано окружнымъ смотрителямъ оказать все зависящее въ дѣль томъ пособіе; то показанному строителю, снесязъ съ Гайсинскимъ окружнымъ смотрителемъ, отъ начальника Чигулевича все монастырское имущество и служителей, также все фондуши монастыря и письменные документы принять въ полное смотрѣніе и управленіе по описнымъ, буде есть, книгамъ, съ обоюдными росписками. Послѣ того ему строителю освидѣтельствовать, все ли имущество въ наличности состоитъ и буде чего не явится, или какое несходство окажется, отмѣтивъ въ подлинныхъ описяхъ, прислать особую вѣдомость въ консисторію. Если же такихъ книгъ нѣтъ, сочинить ему всему вышесказанному имуществу новую опись, которую оставя у себя, таковую же другую препроводить потомъ въ консисторію для представленія намъ. Между тѣмъ ему строителю поступать въ управленіи монастыря сходственно съ правилами святыхъ отецъ, церковными и государственными узаконеніями и потому всѣхъ, какіе могутъ быть впредь отъ насъ опредѣлены, монашествующихъ и послушниковъ имѣть въ своемъ нослабномъ наблюденіи за порядкомъ и благочиніемъ оныхъ. Никто бы изъ нихъ, безъ вѣдома его письменнаго вида никуда изъ монастыря не отлучался, подъ опасеніемъ исключенія изъ числа братства и отсылки въ свѣтскую команду; почему и симъ монашествующимъ имѣть его за точнаго своего

начальника и оказывать ему строителю почтение и совершенное повиновение; монастырскій приходъ и расходъ записывать въ нарочито для сего сдѣланную, шнуровую, за печатью того монастыря, книгу и оную, по прошествіи каждаго мѣсяца, свидѣтельствовать при лучшей братіи; а при томъ, сочиня всѣмъ монашествующимъ обстоятельную вѣдомость: кто, откуда, чей сынъ, какого званія, чему обучался, гдѣ кѣмъ, когда и почѣму благословенію пострижень, или посвященъ, какихъ кто отъ роду лѣтъ и какое послушаніе въ монастырь, или внѣ онаго исполняетъ и впредь способенъ ли къ тому, или нѣтъ? Каковую вѣдомость въ каждомъ году по третямъ, сперва въ апрѣль, потомъ въ августъ, а наконецъ въ декабрь мѣсяцахъ, присылать въ консисторію не опустительно, изъ которой какимъ образомъ слѣдуетъ сочинять такую вѣдомость, выдать строителю надлежащую форму. Рекомендуемъ консисторіи учинить по сему должное исполненіе немедленно“.

Въ Февраль 1796 года Іеромонахъ Филаретъ доносилъ, что окружной смотритель Гайсинскаго уѣзда Яковъ Ив. Яхтефельдъ отказался отъ содѣйствія къ принятію Грановскаго монастыря, ссылаясь на то, что онъ не имѣетъ о семъ никакого предписанія. Нужно было входить снова въ сношеніе съ начальникомъ губерніи о побужденіи бывшаго настоятеля базилианскаго Валеріана Чигулевича къ сдачѣ монастыря со всѣмъ имуществомъ строителю іеромонаху Филарету. Въ мартъ мѣсяцъ Валеріанъ Чигулевичъ вышелъ изъ монастыря, который окончательно поступилъ въ вѣдѣніе Епархіальнаго начальства. Изъ описи Грановскаго монастыря, составленной протоіереемъ Пыржинскимъ совместно съ іеромонахомъ Филаретомъ, видимъ, что монастырь кромѣ трехъ серебряныхъ вызолоченныхъ сосудовъ, большаго серебряннаго креста и на престольнаго подъ серебро Евангелія, не имѣлъ ничего цѣннаго. Всѣ прочія вещи, употребляемая при Богослуженіи, какъ то: кадильница, мирница, кресты и проч., были мѣд-

ныя. Библіотека ограничивалась богослужебными книгами почтаевской печати и нѣсколькими экземплярами уніатскихъ поученій. Остальное имущество монастыря состояло въ хозяйственныхъ снарядахъ.

По присоединеніи Грановскаго монастыря протоіереемъ Пыржинскому, выражено было преосвященнымъ Іоанніемъ неудовольствіе за то, что онъ, опредѣливъ самаго себя настоятелемъ Грановской церкви, имѣлъ въ виду воспользоваться монастырскимъ достояніемъ, переименовавъ монастырь въ приходскую церковь. Это неудовольствіе усилилось еще болѣе, когда назначенный строитель Грановскаго монастыря донесъ, что протоіерей Пыржинскій во время наблюденія за монастыремъ произвелъ много не законныхъ расходовъ и даже расхитилъ монастырскія вещи. Монастырю повелѣно завести искъ съ Пыржинскимъ. Чѣмъ кончился этотъ искъ, — изъ дѣла не видно.

Присоединеніе Грановскаго монастыря представляетъ одно изъ многочисленныхъ доказательствъ того, что гражданская власть вмѣсто того, что бы содѣйствовать предначертаніямъ и предписаніямъ правительства въ распространеніи православія и поддержаніи его интересовъ, тайно и явно противодѣйствовала этому и поддерживала противную сторону, польско-католическую религію и ея исповѣдниковъ. Обитатели мѣстечка Гранова-прихожане изъявляютъ желаніе присоединиться къ православной Церкви. Гайсинскій протоіерей, удовлетворяя ихъ желанію, обращается къ содѣйствію окружнаго смотрителя. Смотритель, по видимому, изъявляетъ полную готовность оказать услугу православію а вмѣстѣ и отечеству. Монастырская церковь и прихожане присоединяются; но главный корень зла-бывшій начальникъ Грановскаго монастыря оставляется въ монастырь со всеми правами настоятельства и распоряженія по прежнему монастырскимъ имуществу.

вомъ, съ нравственно-вреднымъ вліяніемъ на умы и совѣсть лицъ, бывшихъ до недавняго времени въ подчиненіи у него. Присоединявшему Грановскій монастырь протоіерею Пыржинскому необходимо было выхъать на нѣсколько времени изъ Гранова: и тотъ же окружный смотритель, повидимому, содѣйствовавшій при соединеніи монастыря и его прихожанъ, воспользовавшись отсутствіемъ протоіерея, пріѣзжаетъ въ монастырь отбираетъ ключи, возвращаетъ церковь базилианамъ, читаетъ какой-то указъ, на основаніи котораго дозволяетъ базилианамъ совершать богослуженіе по ихъ обряду, созываетъ народъ и приказываетъ ему повиноваться и слушаться прежняго настоятеля. Приходившее уже къ концу дѣло присоединенія Грановскаго монастыря, нужно было начинать снова. Окружный смотритель Пекаровскій смѣненъ; но поступившій на его мѣсто дѣйствуетъ, подобно своему предшественнику, въ интересахъ католичества. Онъ на первыхъ же порахъ своего вступленія въ должность отказывается въ своемъ содѣйствіи къ присоединенію монастыря и отобранію монастырскаго имущества у базилианина Пигулевича, подъ тѣмъ предлогомъ, будто не имѣетъ никакого предписанія о томъ отъ своего начальства, тогда какъ циркулярно предписано было окружнымъ смотрителямъ оказывать возможное содѣйствіе къ обращенію церкви и особенно Тишковскаго, или Грановскаго монастыря въ православіе. Правда православіе все таки одержало верхъ, Грановскій монастырь присоединенъ и переданъ въ православное вѣдомство; но эта побѣда обошлась не дешево (2).

II. Троицкій.

(Продолженіе будетъ).

(2) См. дѣла архива Под. Дух. Кон. № 144. Дек. 1 1795 года. По репорту Гайсинскаго протоіерея Григорія Пыржинскаго о присоединеніи Грановскаго Преображенскаго монастыря и объ опредѣленіи въ оный начальникомъ іеромонаха Филарета. № 250. Января 21 1796 г. По предложенію Его Преосвя-

ОБЪ УКРАШЕНІИ ХРИСТІАНСКИХЪ ХРАМОВЪ СВЯЩЕННЫМИ ИЗОБРАЖЕНІЯМИ.

(Продолженіе)

Символическія животныя.

Съ первыхъ вѣковъ христіанства изображались различныя животныя въ катакомбахъ, въ церквахъ—базиликахъ и на гробницахъ. Странно было бы думать, что каждое изъ этихъ изображеній имѣетъ смыслъ символическій. По мнѣнію знаменитаго археолога Де-Росси многія изъ изображеній животныхъ имѣли только орнаментальное значеніе и перешли по преданію отъ древняго искусства, въ религіозномъ же отношеніи они не имѣли никакого значенія. Таковы были напримѣръ дельфины, грифы (баслословная птица) и разныя морскія чудовища, которыми древніе любили украшать свои жилища и свои гробницы.

Изъ катакомбъ изображеніе символическихъ животныхъ перешло и въ храмы въ истинномъ смыслѣ этого слова, и держалось въ церквѣ до 16-го вѣка. Говорятъ, что св. Нилъ, ученикъ Іоанна Златоуста, возставалъ противъ такихъ изображеній, проникнутыхъ язычествомъ. Онъ, впрочемъ, не изгонялъ тѣхъ, которымъ первенствующая церковь усвоила религіозный смыслъ; онъ возставалъ только противъ изображеній на фасадахъ и на внутреннихъ стѣнахъ базиликъ—различныхъ сценъ языческихъ,—охоты, рыбной ловли, что только разсвало вѣрующихъ и возбуждало чувственныя ощущенія. Св. Павлинъ Нольскій велѣлъ написать символическихъ животныхъ на стѣнахъ своей базилики, чтобы привлекать въ церковь простой народъ и отвлекать его отъ пьянства и не воздерженства о препорученіи Тишковскаго (онъ же и Грановскій) Преображенскаго монастыря строителю іеромонаху Филарету и о прочемъ на 6 листахъ. № 356. 15 марта 1796 г. По репорту Грановскаго монастыря строителя іеромонаха Филарета съ приложеніемъ регистра издержаннымъ для Гайсинскаго протоіерея Григорія Пыржинскаго монастырскимъ вещамъ, чрезъ цѣлое время его пребыванія съ семействомъ въ томъ монастырѣ на 21 л.

жанія. Вообще, исторія свидѣтельствуеть, что изображеніе символическихъ животныхъ, получившее начало и разившееся въ катакомбахъ, потомъ ставшее украшеніемъ наружныхъ и внутреннихъ стѣнъ храма, было почти повсемѣстно.

Самые важнѣйшіе символы катакомбъ, заимствованные изъ царства животныхъ, имѣвшіе опредѣленный религіозный смыслъ, были слѣдующіе: агнецъ, рыба, голубь, пѣтухъ, павлинь.

Агнецъ. Такъ какъ Спаситель принесъ себя въ жертву за грѣхи человечества, то самымъ естественнымъ прообразомъ Его въ ветхомъ завѣтѣ (1) и символомъ въ новомъ могъ служить агнецъ (2). Пророкъ Исаія предсказываетъ о жертвѣ Спасителя подь образомъ овцы и агнца; у евреевъ агнецъ пасхальный прообразовалъ голгоѣскую жертву. Предтеча называлъ Спасителя агнцемъ Божиимъ; въ апокалипсисѣ агнецъ представляется имѣющимъ семь очей и семь роговъ, что относится къ Спасителю (3). По этому совершенно естественно, что изображеніе агнца съ символическимъ значеніемъ было принято въ первенствующей церкви какъ на востокъ, такъ и на западъ. Агнецъ съ удобствомъ служилъ для вѣрующихъ напоминаніемъ агнца, закланнаго за ихъ спасеніе, такъ какъ онъ не открывалъ предъ глазами язычниковъ свѣщ. таинъ, и не смущалъ новообращенныхъ прямыми изображеніями страданія Богочеловѣка. По словамъ Мартинья, агнецъ былъ распятіемъ для этихъ временъ, волнуемыхъ гоненіями (4). Въ катакомбахъ агнецъ представляется стоящимъ на холмѣ, съ котораго стекають четыре рѣки рая; четыре рѣки, означающія евангелистовъ, иногда подписываются именами Геонъ, Фисонъ, Тигръ и Евфратъ. Агнецъ иногда имѣеть на головѣ крестъ. Часто божественный агнецъ окружается овцами въ числѣ 12, что

(1) Исаія, гл. 16. ст. 1, Иерем. 53, 7.

(2) Петр. 1. 19.

(3) Апок. 13, 8.

(4) Dictionnaire, pag. 19.

означаетъ апостоловъ. Агнецъ есть одинъ изъ такихъ символовъ, который изображался во весь вѣкъ. Онъ постоянно подвергался измѣненіямъ. Слѣдя за этими измѣненіями по памятникамъ археологическимъ, приходимъ къ тому убѣжденію, что агнецъ все болѣе и болѣе принималъ черты, относящіяся къ Богу Спасителю и что съдѣловат. и въ первоначальной древности агнецъ былъ символомъ искупительной жертвы Христовой.

Трудно найти болѣе популярный и болѣе распространенный символъ въ древней церкви, какъ изображеніе рыбы: оно встрѣчается въ катакомбахъ и на памятникахъ всякаго рода. Рыбы, правда, изображались по поводу тѣхъ или другихъ евангельскихъ событій для большей очевидности и исторической вѣрности. Но символическое значеніе рыба пріобрѣтаетъ, когда она изображается одна и отдѣльно отъ другихъ изображеній. Въ символическомъ смыслѣ рыба относится къ Христу и христіанину.

Греческое слово $\chi\theta\upsilon\varsigma$ (рыба) состоитъ изъ 5 буквъ, изъ которыхъ каждая служитъ началомъ пяти словъ: $\text{I}\eta\sigma\upsilon\varsigma$, $\text{X}\rho\iota\varsigma\tau\omicron\varsigma$, $\text{O}\theta\epsilon\omicron\upsilon$, $\text{U}\iota\omicron\varsigma$, $\text{S}\omega\tau\eta\rho$, что значитъ: Иисусъ Христосъ Сынъ Божій, Спаситель. Трудно указать, когда и къмъ было сдѣлано впервые подобное толкованіе. Говорятъ, что оно появилось въ Александріи, жители которой съ древнѣйшихъ временъ были склонны къ разнымъ аллегоріямъ; нѣкоторые александрійскіе христіане старались найти новый акростихъ въ противоположность тѣмъ, которые образовывали связь стиховъ въ сивилинскихъ книгахъ, — и вотъ они остановились съ нѣкоторымъ удивленіемъ на составныхъ частяхъ слова $\chi\theta\upsilon\varsigma$. Изъ книгъ это загадочное $\chi\theta\upsilon\varsigma$ перешло въ языкъ древнихъ христіанъ (1); и вѣроятно со 2-го вѣка этотъ

(1) Греческое наименованіе рыбы $\chi\theta\upsilon\varsigma$ было: а) символическимъ наименованіемъ каждаго вѣрующаго, по которому, какъ по условно-принятому знаку, христіане во время гоненій отличали себя отъ язычниковъ; б) оно было именемъ Иисуса Христа Сына Божія.

смыслъ былъ общеизвѣстенъ вѣрующимъ, потому что Климентъ Александрійскій, советуя начертывать на своихъ печатяхъ изображеніе рыбы, воздерживается отъ изъясненія побужденій къ этому (1). Распространенному въ языкъ, символу рыбы уже легко было сдѣлаться предметомъ изобразительнаго искусства и перейти въ область символической живописи. Въ послѣднемъ случаѣ рыба, согласно съ толкованіями Отцевъ церкви, служила символомъ Иисуса Христа. Въ этихъ толкованіяхъ предлагаются слѣдующія основанія:

1) Спаситель принялъ природу человѣка. На языкъ свящ. писанія и церкви, жизнь человѣческая уцѣляется морю, въ которомъ люди живутъ, какъ рыбы въ морѣ. Таково толкованіе Оригена и Григорія Двоеслова 2), Иисусъ Христосъ есть Спаситель. Рыба, пойманная Товіею въ Тигрѣ, чтобы избавить Сару отъ демона и возвратитъ зрѣніе Товіи-отцу, предлагаетъ аналогію съ Спасителемъ, извлекающимъ насъ изъ тьмы, въ которой мы погружены, а силою креста Своего избавляетъ отъ демона. Таково мнѣніе Опата Мелевитскаго и Августина. 3) Спаситель предлагаетъ плоть свою въ пищу человѣку въ таинствѣ евхаристіи. Рыба, служа символомъ Христа, въ частности могла быть символомъ для сокрытія чудеснаго таинства, которое первенствующая церковь всегда старалась скрывать отъ язычниковъ. Вкушать рыбу на символическомъ языкѣ древнихъ христіанъ означало питаться плотію Христовою. Въ одномъ древнемъ памятникѣ говорится: *прими, ядь и пій, взявши рыбу въ свои руки*. Древніе отцы старались найти основаніе для истолкованія символа рыбы въ символъ евхаристическомъ. Такое основаніе блаженный Августинъ находитъ въ повѣствованіи св. Іоанна (2), о чудесномъ уловѣ рыбы на морѣ Тиваріадскомъ: „Спаситель устроилъ своимъ семи ученикамъ пиршество, составленное изъ рыбы, которую они видѣли лежащую на горящихъ угольяхъ, и изъ хлѣба. Рыба эта

(1) Paedag. 3, 106.

(2) Іоан. 21, 1—14.

есть Христосъ, Онъ также и хлѣбъ, спешій съ неба (1).

4) Наконецъ, такъ какъ Христосъ есть основатель и опора Церкви, то эту идею съ удобствомъ выражали, изображая корабль на спинѣ рыбы.

Въ виду указанныхъ основаній, по которымъ древніе христіане относили символъ рыбы къ Спасителю, мы не можемъ согласиться съ слѣдующимъ, довольно голословнымъ мнѣніемъ церковнаго археолога Годара: „необходимо замѣтить, что рыба иногда не была символомъ Христа: она представлялась то въ символъ историческомъ, то какъ украшеніе въ исторіи Тови, въ переходѣ черезъ черное море и въ крещеніи Спасителя. Въ катакомбахъ она иногда указывала ни званіе рыбака: ибо есть примѣры, что инструменты, изображались на гробницахъ для указанія ремесла умершаго“ (2). Такой отзывъ не оправдывается ни письменными свидѣтельствами, ни разными памятниками живописи, ибо рыба часто изображалась не какъ составная часть какого нибудь историческаго событія, а то совершенно стоящая особнякомъ, то служащая опорой корабля, и слѣд. имѣющая не историческое только и орнаментальное значеніе, но и символическое и притомъ относящееся къ Христу. Изображеніе рыбы сдѣлалось орнаментальнымъ только по простствіи символическаго періода христіанской иконографіи.

Такъ какъ апостолы называются въ священномъ писаніи именемъ ловцовъ (3), то люди обращенные въ христіанство, естественно могли быть названы рыбами. Самъ Спаситель далъ рыбѣ символическое значеніе христіанина. На суднѣ апостола Петра Онъ начинаетъ уловлять души, возвѣщая новую вѣру народу; потомъ апостолы по Его повелѣнію вынимаютъ изъ воды множество рыбъ, которыя были образомъ множества обращенныхъ въ этотъ

(1) Tractat 12 in Johan.

(2) Cours d' Archeologie sacr., tom. 2, p. 404.

(3) Лук. 5, 10.

день; наконецъ Онъ объявляетъ апостоламъ непосредственно, что отнынѣ они будутъ ловцами человековъ (1). Вотъ почему рыба была также символомъ христіанства.

Этъ символъ имѣлъ особенное значеніе въ первыя времена христіанства. Послѣ времени Константина онъ изображается только какъ украшеніе. Древніе писатели, какъ Климентъ Алекс., Оригенъ, Тертуліанъ довольствуются только указаніемъ на этотъ символъ, но не изъясняютъ его; значить, онъ былъ общеизвѣстенъ; значить также, что таинственная дисциплина была еще во всей силѣ. Блаженный Августинъ уже занимается подробнымъ раскрытіемъ его. Опасность прошла и не было нужды въ таинственности и символикѣ.

Голубь у нѣкоторыхъ язычниковъ былъ птицею священою, такую считаютъ ее въ настоящее время арабы. Въ Ветхомъ заветѣ голубь является во время потопа вѣстникомъ обновленія земли (2). Въ новомъ заветѣ Духъ Святой въ видѣ голубя сошелъ на Иисуса Христа при его крещеніи (3). Неудивительно по этому, что въ живописи катакомбъ голубь сдѣлался однимъ изъ самыхъ употребительныхъ символовъ. Голубь главнымъ образомъ былъ символомъ Духа Святаго; въ этомъ смыслѣ онъ изображался на крещальняхъ, представлялся глаголющимъ на ухо тому или другому проповѣднику вѣры. Голуби означали иногда апостоловъ, тогда, или болѣею частію изображались въ числѣ 12. Голуби иногда означали вѣрныхъ, возрожденныхъ крещеніемъ, или укрепленныхъ евхаристіею, простыхъ по своимъ душевнымъ свойствамъ. Этотъ символъ имѣлъ также нѣсколько другихъ значеній; напр. то онъ изображалъ мученичество, таинственно указывая на Духа Святаго, дающаго христіанину силу перенести мученія, то онъ былъ образомъ супружской вѣрности и любви, то символомъ мира,

(1) Тамже.

(2) Быт. 8, 8—12.

(3) Матѣ. 3, 16.

особенно когда онъ изображался съ масляною вѣтвію въ клювъ.

Пѣтухъ, какъ символъ имѣлъ нѣсколько значеній. Изображаемый на гробницахъ пѣтухъ напоминалъ догматъ о будущемъ воскресеніи, такъ какъ древнее преданіе гласило, что воскресеніе Спасителя совершалось во время пѣнія пѣтуха. Изображеніе пѣтуха напоминало христіанамъ о необходимости бодрствованія, но чаще всего этомъ символъ относился къ апостолу Петру, напоминая о его паденіи и возстановленіи.

Павлинъ — символъ воскресенія. Извѣстно, что эта птица при наступленіи зимы ежегодно теряетъ свои перья, чтобы замѣнить ихъ новыми во время весны, по мнѣнію Августина (1). Павлинъ былъ также символомъ безсмертія, такъ какъ древность усвоила плоти этой птицы неповрежденность. Въ катакомбахъ павлинъ часто присоединялся къ другимъ изображеніямъ, заключающимъ въ себѣ намекъ на догматъ воскресенія и безсмертія, напр. къ доброму пастырю, ковчегу Ноеву, исторіи Іоны, воскресенію Лазаря.

Аттрибуты, даваемые христіанскимъ искусствомъ ангеламъ.

Изображеніе ангеловъ на иконахъ христіанскихъ мало было распространено до четвертаго вѣка; они очень рѣдко являются съ своими частными аттрибутами въ подземномъ Римѣ. Почти какъ на исключеніе можно здѣсь указать на изображеніе ангела съ крыльями, ведущаго за руку Товію, на одномъ фрескѣ на кладбищѣ Прискиллы, относимое ко 2-му вѣку. Чаще можно встрѣчать ангеловъ, изображенныхъ подъ формою человѣческою въ представленіи историческихъ фактовъ Вѣтаго и Новаго завѣта, напр. въ явленіи ангеловъ Аврааму, (2) Захаріи (3) Пр. Дѣвѣ Маріи. (4)

(1) De civitate Dei.

(2) Быт. гл. 18, также: 19.

(3) Лук. 1, 11.

(4) Лук. 1, 26.

Не смотря на сравнительную рѣдкость изображеній ангеловъ въ катакомбахъ, мы все таки будемъ говорить объ этомъ предметѣ при разсмотрѣннн живописи символической, по двумъ причинамъ: 1) хотя изображенія ангеловъ особенно распространяются послѣ четвертаго вѣка, но съ одной стороны начало имъ было положено въ катакомбахъ, съ другой—четвертой вѣкъ не есть еще крайннй предѣлъ символическаго періода живописи: какъ увидимъ ниже, этотъ періодъ при постепенномъ упадкѣ символизма простирается почти до Трульскаго собора. 2) Если существо духовное невидимое изображается въ видимомъ образѣ, и объ немъ составляется понятіе по аналогіи съ вещественными формами, то это развѣ не символизмъ? Слѣд. въ отдѣлѣ о символической живописи весьма естественно сказать объ атрибутахъ, усвояемыхъ ангеламъ христіанскимъ искусствомъ. Имъ усвояются:

1) Форма человѣческая (1): они изображаются молодыми, прекрасными и иногда нѣсколько обнаженными и большою частію босыми. Изъ этаго вѣрующіе убѣждаются, насколько эти небесныя силы готовы содѣйствовать челоуку и исполнять повеленія Божія въ его благо: *„не вси ли суть служебннн души, въ служеніе посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе“* (2). Юности требуетъ самое понятіе безсмертія, которое есть вѣчная юность,—и свойство ихъ служенія, къ которому они казались бы менѣе способными, если бы были стариками или дѣтьми. Красота приписывается ангеламъ на основаніи Св. Писанія. Прекрасны были ангелы, поставленные во святомъ святыхъ (3); также прекрасны были ангелы, сдѣланные изъ масличнаго дерева, по-

(1) Въ эпоху возрожденія начали изображать ангеловъ въ видѣ дѣтей, или дѣтскихъ головъ. Къ сожалѣнію, излишняя полнота лица и совершенная нагота тѣла были въ противорѣчнн съ прекрасною идеею, которую хотѣли выразить, именно: чтобы прикрыть (сгладить) грубость вѣщественной формы.

(2) Евр. 1, 14.

(3) Исход. 25, 18.

крытаго золотомъ, стоявшіе въ срединѣ храма Соломонова (4). Что касается наготы, то она производитъ стыдъ только въ падшемъ человѣкѣ, но въ ангелахъ служитъ знакомъ святости, чистоты, безсмертія и невинности.—Босыми, какъ можно думать, являлись ангелы патриархамъ; служители Божіи обыкновенно посылались босыми, какъ мы видимъ это изъ примѣра Моисея (5). Символически это означаетъ, что ангелы чуждаются всего, стѣсняющаго ихъ духовное служеніе.

При человѣческой формѣ ангелы изображаются съ крыльями, украшаются бѣлыми одеждами и поясомъ. Крылья и поясъ означаютъ величайшую готовность ангеловъ служить людямъ, по словамъ псалмопѣвца: *яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тебѣ сохрани ти во всѣхъ путехъ твоихъ* (6). Ангелы всегда подпоясаны, когда являются людямъ (7). Бѣлая одежды служатъ знакомъ невинности и священническаго служенія, которое исполняютъ ангелы, когда ходатайствуютъ о насъ предъ Богомъ. На эту мысль еще болѣе наводитъ даваемая ангеломъ кадильница. Въ апокалипсисѣ сказано: *и пришелъ другой ангелъ, и нѣющій кадильницую златую; и дымъ благоуханій восходилъ отъ руки ангела до Бога* (8). По этому кадильница въ рукѣ ангела означаетъ, что ангелы приносятъ Богу наши молитвы. Въ XV и XVI вв., чтобы лучше выразить идею священническаго служенія ангеловъ, изображали ихъ въ священническомъ церковномъ облаченіи.

3) *Аттрибуты военные* на основаніи кн. 2 Мак. гл. II-й ст. 8: *предъ ними показался всадникъ въ бѣломъ одьяніи, съ золотымъ оружіемъ и дѣйствующій своимъ копьемъ* (9).

(4) 3 Царст. 6, 23, 27 и 28.

(5) Исх. 3, 5.

(6) Псал. 90, 11.

(7) Дьян. 15, 6.

(8) Апок. 8, 3—4.

(9) См. также Иисус. Нав. 5, 13 и 14.

Св. І. Златоустъ съ похвалою отзывался объ одной иконѣ этого рода, написанной энкавстическою живописью. Съ воинскимъ мечемъ изображается у насъ архистратигъ Михаилъ.

4) Ангеловъ изображаютъ съ разными орудіями, которыя напоминаютъ то гнѣвъ Божій, котораго они исполнители (мечъ), то милосердіе Божіе, котораго они органы (орудія смерти Спасителя и страданій), то правосудіе Божіе (вѣсы); труба архангела напоминаетъ идею послѣдняго суда, — другія музыкальнныя орудія говорятъ о блаженствѣ святыхъ ангеловъ въ небесныхъ обителяхъ.

5) Изображенія ангеловъ украшаются разными драгоценными камнями. Это есть символъ блеска различныхъ добродѣтелей: напр. сафиръ символъ цѣломудрія, хрусталь, соперничающій съ воздухомъ по своей прозрачности, — символъ чистоты ихъ духовной природы.

6) Наконецъ, иногда изображались ангелы съ посохомъ въ рукъ, или лучше сказать, съ золотою тростью, на основаніи видѣнія Ев. Іоанна (1).

Ангелы изображались иногда группами, но безъ отношенія къ ихъ іерархическому достоинству. Отдѣльно изображались тѣ ангелы, коихъ имена извѣстны изъ Св. Писанія: Михаилъ, Рафаиль, Гавріиль и Уріиль.

Изображеніями небесныхъ силъ обыкновенно украшалась алтарная часть храма. Въ тѣхъ церквахъ, гдѣ устроился киворій (2), ими украшались столбы киворія. Въ настоящее время Архистратигъ Михаилъ изображается на сѣверной двери иконостаса, а

(1) Апокал., 21, — 15.

(2) Въ древности киворіемъ называлась сѣнь, устроявшаяся вокругъ престола, она состояла изъ занавѣсей съ изображеніями священными, прикрѣпленныхъ къ колоннамъ, стоявшихъ до стороны престола. Въ настоящее время мѣсто киворія большею частію заступили иконы, которыя въ некоторыхъ храмахъ горизонтально вѣшаются надъ престоломъ.

также лики ангеловъ въ самомъ верхнемъ ярусѣ иконостаса. Во всемъ этомъ видна одна мысль: что небесныя силы присутствуютъ при страшной тайнѣ, совершающейся на престолѣ.

Символическія изображенія при евангелистахъ.

Въ самой глубокой древности евангелисты символически изображались въ видѣ четырехъ рѣкъ земнаго рая. Каждую рѣку усвоили одному изъ евангелистовъ: Геонъ, что значить земной-Матеею, потому что онъ повѣствуетъ о происхожденіи Спасителя по плоти; Тигръ (быстрота, скорость) Марку, такъ какъ онъ кратко изложилъ дѣянія Господа; рѣка Евфратъ (обиліе, плодородіе) означала Луку; Фисонъ (воодушевленіе, вдохновеніе) относилась къ Іоанну, который, вдохновленный Духомъ Святымъ, по преимуществу училъ о божествѣ Спасителя. По единогласному мнѣнію церковныхъ археологовъ (Годарда (1), Мартиньи (2) и др.) символическія животныя при Евангелистахъ появляются не раньше 5-го вѣка. Четыре евангелиста обыкновенно изображаются подъ эмблемою четырехъ крылатыхъ фигуръ: челоуѣка, льва, тельца и орла. Первый типъ этого символа находится у пророка Іезекіиля (3), потомъ онъ встрѣчается въ апокалипсисѣ Іоанна: *и посреди престола и вокругъ престола четыре животныя, исполненныя очей спереди и сзади. И первое животное подобно льву, и второе животное подобно тельцу, и третье животное имѣло лице, какъ челоуѣкъ, и четвертое животное подобно орлу летящему* (4). По мнѣнію Августина и Іеронима, каждое изъ четырехъ животныхъ указываетъ на какую нибудь черту характера евангелія. Образъ

(1) Cours d'Archeologie sacrée, tom. 2-й pag. 451.

(2) Dictionnaire, pag. 250.

(3) Іезек. гл. 1.

(4) Апок. 4, 6 --7.

человѣка усвоается ев. Матеею, потому что онъ начинается евангеліе человѣческимъ происхожденіемъ Спасителя. Левъ изображается при евангелистѣ Маркѣ, потому что онъ въ началѣ евангелія (5) переноситъ насъ въ жилище льва пустыню, въ которой раздавался гласъ Іоанна Предтечи. Телець пишется при ев. Лукѣ, потому что онъ начинается евангельскую исторію съ Захаріи, священника и жертвоприносителя. При ев. Іоаннѣ-орелѣ; это значить, что Іоаннъ смѣлымъ полетомъ мысли устремляется въ высшія области, чтобы раскрыть предъ нами божественное происхожденіе Искупителя: „въ началѣ бѣ Слово“.

По мнѣнію св. Амвросія Медиоланскаго, символическія животныя при евангелистахъ относятся ко Христу и напоминаютъ различныя обстоятельства его земной жизни.

1) Спаситель сошелъ съ неба и *приобщился природы человѣческой*; 2) какъ *левъ*, онъ побѣдилъ своихъ враговъ; 3) подобно *теляцу* онъ сдѣлался умиловительною жертвою; 4) подвергшись на время власти смерти, онъ потомъ вознесся къ небу быстрымъ полетомъ, какъ *орелъ*.

Изображенія символическихъ животныхъ при евангелистахъ очень часто встрѣчаются: 1) въ мозаикахъ древнѣйшихъ базиликъ въ Римѣ и Равеннѣ; 2) на священныхъ одеждахъ, 3) на крестахъ, именно на оконечностяхъ ихъ, выражая то, что своимъ словомъ евангелисты послужили великому дѣлу распространенія вѣры въ Распятаго. Въ настоящее время изображенія евангелистовъ съ символическими животными большею частью служатъ украшеніемъ царскихъ вратъ, впрочемъ иногда они изображаются съ четырехъ сторонъ купола въ средней части храма, если этотъ куполь украшается звѣздами на подобіе неба.

Указанныя изображенія евангелистовъ съ символическими животными иногда видоизмѣнялись подѣ вліяніемъ фантазіи художниковъ. Такъ иногда евангелисты представляются держащими въ рукахъ открытыя книги, иногда книги эти держатся животными. Нѣкоторые живописцы на мѣсто человѣческой головы евангелиста писали голову символическаго животного, — иногда писали только бюстъ евангелиста безъ животныхъ. Орелъ евангелиста Іоанна иногда держитъ въ клювъ своею перо. Лука нерѣдко писался окруженнымъ принадлежностями аптекарскаго искусства на основаніи словъ ап. Павла: „Лука, возлюбленный врачъ, васъ при-
вѣтствуетъ“ (1).

Обозрѣніе символической живописи древней христіанской церкви мы заключимъ указаніемъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ символовъ, рѣже встрѣчающихся, сравнительно съ вышеуказанными, въ катакомбахъ. Сюда относятся: а) скала, откуда стекаютъ четыре рѣки рая, означающая Христа и Церковь — по текстамъ четырехъ евангелистовъ, б) седмисвѣчный свѣтильникъ, указывающій на семь таинствъ; в) масличная вѣтвь, символъ мира и покоя; г) пальма, бывшая у всѣхъ народовъ символомъ побѣды. Первенствующая Церковь усвоила ее для выраженія побѣды надъ смертію чрезъ воскресеніе, — надъ міромъ, плотію и діаволомъ чрезъ христіанскія добродѣтели. Пальма служила также символомъ мученика, ибо для христіанина умереть значить побѣдить. Пальма мученика сдѣлалась въ языкъ церковномъ выраженіемъ классическимъ. Отсюда произошелъ всеобщій обычай изображать мучениковъ съ пальмою въ рукѣ. На гробницахъ пальмы часто сопровождаютъ *монограммою* Христа, что означаетъ, что христіанинъ обязанъ Христу своею побѣдою надъ врагами. д) Наконецъ къ области древней символики относятся *монограммы*. Монограмма есть или искусственное соединеніе подѣ одною общею

(1) Колос. 4, 14.

формой всѣхъ буквъ, входящихъ въ составъ одного имени, или выборъ только нѣкоторыхъ. Самою обыкновенною формою монограммы Спасителя было сочитаніе двухъ греческихъ буквъ: Х и Р, первыхъ буквъ имени Христосъ. Этотъ символъ указывалъ одновременно и имя Христа и представлялъ образъ креста. Встрѣчалась еще и другая форма, также сокращенная, но сравнительно съ первою нѣсколько распространенная: ΙΣ ΧΣ ΝΥΚΑ—Иисусъ Христосъ есть побѣдитель. Древность завѣщала и намъ эту монограмму: у насъ она изображается на просфорахъ, кромѣ богородичной имѣющей особую монограмму.

Символическая церковная живопись первыхъ вѣковъ христіанства, вызванная къ бытію гоненіями на христіанъ, съ торжествомъ христіанства должна была уступить мѣсто иконописанію историческому. И дѣйствительно она въ теченіи 4, 5, 6 и 7 вв. постепенно выходила изъ употребленія. Наконецъ Трульскій соборъ (692 г.) въ 82-мъ правилѣ положилъ слѣдующее: „на нѣкоторыхъ честныхъ иконахъ изображаются перстомъ Предтечымъ показуемый агнецъ, который принять во образъ благодати, чрезъ законъ показуя намъ истиннаго агнца, Христа Бога нашего. Почитая древніе образы и сѣни, преданныя церкви, какъ знаменія и предначертанія истины, мы предпочитаемъ благодать и истину, пріемля оную яко исполненіе закона. Сего ради, дабы и искусствомъ живописанія очамъ всѣхъ представляемо было совершенное, повелѣваемъ отнынѣ образъ агнца, вземлющаго грѣхи міра, Христа Бога нашего, на иконахъ представляти по чловѣческому естеству, вмѣсто ветхаго агнца: да чрезъ то созерцающа смиреніе Бога Слова, приводимся къ воспоминанію житія Его во плоти, Его страданія и спасительныя смерти, и симъ образомъ совершившагося искупленія міра (1). Мѣра, принятая отцами Трульскаго собора такъ согласовалась съ историческимъ

(1) Это правило трульскаго собора. См. также Свода Законовъ т. XIV. ст. 126.

ходомъ вещей, что она сразу была принята и не повторялась уже ни на одномъ изъ послѣдующихъ соборовъ. Правда, по видимому правилу соборное касается только изображенія Богочеловѣка въ видѣ агнца: но съ одной стороны такая реформа въ главномъ предметъ христіанскаго иконописанія предполагаетъ возможность перемѣнъ въ предметахъ, сравнительно менѣе важныхъ; съ другой стороны христіанскіе иконописцы, оставивши въ забвеніи разныя другія символическія изображенія, опасались отступить отъ древнихъ преданій въ изображеніи Богочеловѣка, пока не получили на это соборнаго опредѣленія. Символическая живопись древняго христіанства такимъ образомъ исполнила свою историческую задачу: а) во первыхъ въ наглядныхъ, хотя условныхъ, образахъ она внятно напоминала каждому христіанину о Христвѣ и отношеніи Его къ Церкви, пробуждала воспоминанія о св. апостолахъ и особенно евангелистахъ и устремляла мысль его къ міру ангельскому. Поддерживая благочестивое настроеніе духа, древняя живопись катакомбъ служила для христіанина превосходнымъ утѣшителемъ въ его гоненіяхъ, постоянно указывавшихъ на безпокойство жизни настоящей, на твердый оплотъ противъ житейскихъ невзгодъ въ единеніи съ Церковію и на вѣчный миръ и блаженство въ обителяхъ Отца Небеснаго. Значить иконопись катакомбъ предлагала въ условныхъ символахъ ту самую живую проповѣдь, которая нынѣ заключается въ иконныхъ изображеніяхъ православной Церкви. Последняя впрочемъ, даже не совсѣмъ чужда древней символики: встрѣчающіяся нынѣ изображенія ангеловъ съ ихъ атрибутами, и евангелистовъ съ символическими животными, указываютъ на историческую связь нашего иконописанія съ преданіями иконописи катакомбъ. б) христіанское искусство иконописи, укрывшись въ катакомбы, и принявши символическія формы, такимъ образомъ обезопасило отъ преслѣдованій свое существованіе и обезпечило свое дальнѣйшее развитие.

(Продолженіе будетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

О Т Ъ Р Е Д А К Ц І И ВОСКРЕСНАГО ЧТЕНІЯ

Подписка на „Воскресное Чтеніе“ продолжается. Въ вышедшихъ девяти номерахъ его за текущей годъ, напечатаны, между другими, слѣдующія статьи: *Взглядъ на протекшій годъ*, *Размышленія христіанина на новый годъ*, *Бесѣда съ старымъ и новымъ годомъ*, *Величіе свѣтлѣйшаго имени Иисуса*, *Первомученикъ христіанскій Стефанъ*, *Наставленіе Соломона объ отвѣтахъ на вопросы глупымъ*, *Христіанскій домъ* (поученіе), *Не буди правдивъ вельми*, *Праздникъ крещенія Господня* (поученіе), *Лазарь и богатъ на землѣ* (поученіе), *Общая помощь въ нуждѣ* (поученіе), *Идеализмъ и практицизмъ въ жизни* (изъ публичныхъ лекцій, читанныхъ въ Воронежѣ), *Что нужно соблюдать въ дѣлѣ торговли* (поученіе), *Мнимое похищеніе и еврейскіе и египетскіе сосуды*, *О свѣтлѣйшомъ молчальникѣ*, *Необходимость войска*, *Свѣтлѣйшія семейства*, *Какъ іудеи съѣли мѣлъ и иодъ*, *Божба и брань на востокъ*, *Мученики Колизея*.

Кромѣ того продолжается печатаніе *Толковой Псалтири*, и въ каждомъ номерѣ печатается *Библейскій популярный словарь*. Въ двухъ номерахъ „Листка“ напечатано нѣсколько библиографическихъ замѣтокъ и обзорніе духовныхъ журналовъ. — Въ видѣ преміи подписчики получаютъ книгу: „Объясненіе втораго посланія къ Тимошею и Титу.“ — Цѣна за годовое изданіе **ЧЕТЫРЕ** рубля. Адресъ: въ Кіевѣ въ *Редакцію Воскреснаго Чтенія*.

Въ той же Редакціи можно получать **МѢСЯЦЕСЛОВЪ** (Календарь для дѣтей). Цѣна за 10 экз. 2 р. за 1 экз. 25 коп. безъ пересылки.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1874 ГОДЪ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

Литературно-Политическій Журналь

СИЯНІЕ

САМЫЙ ДОСТУПНЫЙ ИЗЪ ВСѢХЪ, ИЗДАЮЩИХСЯ ВЪ РОССІИ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Журналь сохраняя свою прежнюю программу, выходитъ въ 1874 году еженедельно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ два печатныхъ листа (in quarto), и въ продолженіи года составитъ два изящныхъ тома; въ каждомъ номеръ помѣщается до трехъ и болѣе роскошныхъ рисунковъ, исполненныхъ лучшими русскими и иностранными художниками и граверами.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ: Безъ доставки въ С.-Петербургъ 4 р.

» Съ доставкою » 5 р.

» Для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 5 р.

На полгода: Безъ доставки въ С.-Петербургъ 2 р.

» » Съ доставкою » » 2 р. 60 к.

» Для иногородныхъ съ пересылкою и упаковкою 3 р.

Всѣ годовые подписчики журнала „Сіяніе“ на 1874 годъ

получаютъ въ видъ ПРЕМІИ, тотчасъ при подпискѣ, вышедшій уже большой иллюстрированный ВСЕМІРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на

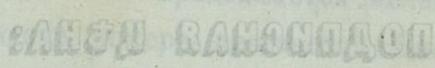
1874 годъ: желающіе могутъ получить, взаменъ его, Всемирный Календарь на 1875 г., который появится въ свое время.

ВСЕМІРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ на 1874 годъ заключаетъ въ себѣ 35 печатныхъ листовъ и 22 изящныхъ рисунка.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, въ главной конторѣ редакціи журнала „Сіянія“, по Екатерингофскому просп., д. Высоцкой № 29.

ВЪ МОСКВѢ, въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Россіи. 5—5.

Содержаніе: 1) Присоединеніе къ православію остальныхъ униатскихъ церквей въ уѣздахъ Брацлавской Епархіи въ 1795—96 годахъ. 2) Объ украшеніи христіанскихъ храмовъ священными изображеніями. 3) Объявленія.

Дозволено цензурою. Каменецкъ-Подоль. 15 Апрѣля 1874 года.

Въ типографіи Подольскаго Губернскаго Управленія.